

ЯПОНСКИЙ ПАЛОМНИК

ВОСПОМИНАНИЯ ТОКУТОМИ РОКА

Публикация А. И. Ш и ф м а н а *

Публикуемый ниже очерк «Пять дней в Ясной Поляне» принадлежит перу выдающегося японского писателя Кэндзи́ро *Токутоми*, известного под псевдонимом Токутоми Рока (1868—1927), и является главой из книги «Записки паломника», изданной в Японии в декабре 1906 г. Книга эта воспроизводит впечатления писателя от его поездки на Ближний Восток и в Россию в апреле — августе 1906 г.

Токутоми был одним из самых увлеченных последователей Толстого в Японии **. Еще в юности познакомившись с произведениями Толстого, он воспринял не только некоторые реалистические принципы художественного творчества русского писателя, но и его морально-этические воззрения.

Пережив в годы русско-японской войны духовный кризис, Токутоми испытывал острую потребность в общении с Толстым. 21 января 1906 г. он написал ему письмо, приводимое ниже в тексте мемуаров. Толстой отнесся к письму неизвестного ему писателя с большим интересом и назвал его в дневнике «очень приятным» (т. 55, стр. 195). До этого он получил от него две книги. Первая из них: «Толстой», вышедшая в серии «Двенадцать писателей» со следующей дарственной надписью на форзаце: «To beloved Master L. N. Tolstoy from Kenjiro T o k u t o m i. Christmas 1905» («Любимому учителю Л. Н. Толстому от Кэндзи́ро Т о к у т о м и. Рождество 1905 г.»). Надпись эта повторена по-японски на другом форзаце. Вторая книга: «Nami-ko. A realistic novel of Kenjiro Tokutomi» («Нами-ко. Реалистический роман Кэндзи́ро Токутоми»). Boston, 1904, также с дарственными надписями на английском и японском языках, повторяющими надпись на книге «Толстой».

Роман «Нами-ко» произвел на Толстого хорошее впечатление правдивым описанием японского общества.

25 апреля он отправил Токутоми большое ответное письмо, в котором выразил желание побольше узнать о жизни японского общества и о воззрениях самого Токутоми (т. 76, стр. 143—144).

Ответ Толстого, однако, уже не застал Токутоми дома. Едва дождавшись окончания войны, он через Ближний Восток отправился в Россию, чтобы в беседах с Толстым разрешить мучившие его сомнения.

В начале июня 1906 г. Толстой неожиданно получил от Токутоми письмо из Египта, в котором тот сообщал, что находится уже в пути и скоро прибудет в Ясную Поляну (содержание письма излагается в тексте воспоминаний). Это известие обрадовало Толстого и, по свидетельству Д. П. Маковицкого, он готовился к приему гостя (Д. П. М а к о в и ц к и й. Яснополянские записки.— Запись от 2 июня 1906 г. Рукопись. А Т).

* Перевод воспоминаний Токутоми (с японского) выполнен В. А. К о с т е р е в о й.

** Подробно о Токутоми см. ниже, в обзоре Н. И. К о н р а д а «Толстой в Японии».

30 июня 1906 г. Токутоми приехал в Ясную Поляну и провел в общении с Толстым пять дней. Публикуемая глава из «Записок паломника», в которой излагаются его впечатления от пребывания в Ясной Поляне, основывается на записях, сделанных непосредственно на месте, и представляет собой почти протокольное описание всего того, что Токутоми видел и слышал в Ясной Поляне. Это придает его воспоминаниям исключительную достоверность.¹ Воспоминания эти интересны и описанием яснополянского быта и особенно изложением многочисленных высказываний Толстого о многих важных вопросах литературы, культуры и злободневных общественных проблемах.

Возвратившись на родину, Токутоми горячо поблагодарил Толстого за оказанное ему гостеприимство.

«Дорогой учитель, — писал он 3 октября 1906 г., — уже три месяца, как я покинул ваш гостеприимный дом, и сегодня я пишу вам в первый раз. Прежде всего позвольте мне вам сказать, каким счастьем было для меня быть с вами. Видеть вас, слушать, как вы говорите, и открывать свое собственное сердце — все это было таким блаженством, что десять тысяч верст кажутся мне одним шагом. Всего лишь пять дней, но эти пять дней, поверьте, будут счастливейшим воспоминанием моей жизни».

Описав свое возвращение через Сибирь на родину, Токутоми далее сообщал:

«Здесь я уже нашел ваши книги „Конец века“, „Единое на потребу“, „Великий грех“, которые вы мне прислали через г. Черткова. Я тотчас же стал их читать и был счастлив почувствовать, что во всех существенных вопросах я согласен с вами. „Конец века“ уже переведен и будет опубликован в одной токийской газете (без моего содействия). Для „Мыслей мудрых людей на каждый день“ я ищу переводчика. Многие из ваших произведений уже переведены или в настоящее время переводятся...»

Упомянув о том, что в Японии изо дня в день растет число поклонников Толстого, Токутоми далее сокрушается по поводу дурных вестей, которые идут со всех концов мира.

«Каждый день, — пишет он с горечью, — приносит тревожные вести из России. На противоположной стороне земного шара Америка, которая, казалось бы, должна играть ведущую роль в сохранении мира, высаживает свои войска на Кубе. Мир молод и движется к прогрессу медленно. И все же он должен образумиться, и он мало-помалу образумится. „Мы должны спасти человечество, спасаясь сами“, — говорил Герцен» (Токутоми приводит неточную цитату из «С того берега» А. И. Герцена).

И в заключение:

«Дорогой учитель, приближается зима. Поберегите же себя. В надежде скоро опять написать вам, я на этом заканчиваю».

Моя жена шлет свой привет, наилучшие пожелания и благодарность за любезность, которую вы нам оказали» (А Т. — Подлинник на английском языке).

Под конец жизни Токутоми отошел от религиозно-нравственной доктрины Толстого, о чем свидетельствуют его поздние романы, трактаты и статьи. Но он всегда с благоговением хранил воспоминание о своем посещении Ясной Поляны. В статье «Отзвук из Японии», присланной им в 1908 г. для «Международного толстовского альманаха» к восьмидесятилетию писателя, он с теплым чувством отмечал:

«Уже два года прошло с тех пор, как я сказал ему „прости“ на террасе дорогого дома. Я берусь за перо, и передо мною встает призрак светлой веранды, обвитой вьющимися растениями и озаренной мерцающим светом лампы. Учитель стоит предо мной, положив одну руку на ручку двери, оглядываясь назад и улыбаясь мне. Я стою неподвижно, опечаленный разлукой. Он улыбается мне. Я вижу его улыбку сквозь туман семисот тридцати дней, которые протекли с тех пор, сквозь десять тысяч верст, которые нас разделяют» («Международный толстовский альманах». М., 1909, стр. 345—346).

В 1917 г., прочитав в журнале «Мита бунгаку» очерк Нацуки Сигэру (псевдоним Асиды Хигоси, в то время секретаря японского посольства в Петрограде) о посещении Ясной Поляны, Токутоми вновь вернулся мыслями к далеким дням и дополнил свои воспоминания новыми подробностями в книге очерков «Новая весна» (1918). В этих

ТОКУТОМИ РОКА В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ. ИЮЛЬ 1906 г.

Фотография С. А. Толстой

Музей Толстого, Москва

воспоминаниях он как бы переосмыслил свою поездку к Толстому. О себе он писал в третьем лице так:

«Он был посланцем дружбы, которого Япония сразу же по окончании войны направила в Россию к великому Толстому. Конечно, этот самозванный посол был очень жалок. Голова его была совершенно пуста. Единственно, за что он держался, была Истина. Может быть, это была Истина и примитивная, но это не была Ложь. И он не сомневался, что его ведет к Толстому именно эта Великая Рука» *.

Очерк «Пять дней в Ясной Поляне» публикуется по тексту книги «Дзюнрэй кико» («Записки паломника»), присланной в 1907 г. в Ясную Поляну. Дарственная надпись на ней гласит: «To respected and beloved L. N. Tolstoy from Kenjiro Tokutomi. January 29, 1907. Tokyo, Japan» («Уважаемому и любимому Л. Н. Толстому от Кэндзиросы Токутоми. 29 января 1907 г. Токио. Япония»). Небольшие отрывки из нее, а также письма Токутоми к Толстому опубликованы в моей книге «Лев Толстой и Восток» (М., 1960, стр. 337—340, 343 и 351—353).

* Сообщено Н. И. Конрадом, которому принадлежит и перевод приведенного отрывка. — *Ред.*

ПЯТЬ ДНЕЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

ПОСЕЩЕНИЕ ТОЛСТОГО

Внешность Толстого мне была хорошо известна по фотографиям, а с идеями его я познакомился по его многочисленным произведениям. И хотя я не имел особого дела к нему, мне очень хотелось повидаться с ним. И вот на обратном пути после путешествия по дальнему Западу¹ я решил посетить дом Толстого.

Роман Толстого «Война и мир» я впервые прочитал шестнадцать лет назад, и девять лет прошло с тех пор, как я познакомился с краткой биографией Льва Николаевича. В то время я не раз собирался написать о нем книгу, проникнутую чувством уважения и восхищения, но у меня еще не было чувства твердой веры; я боялся обмануть себя и людей. И поэтому перо мое притушилось, и своего намерения я не выполнил². Однако в январе нынешнего года я как будто заново родился, получив эту веру³. С чувством смущения послал я из горной местности Харуна Толстому книгу «Толстой» из серии «Двенадцать великих писателей» и свой роман «Нами-ко»⁴ в английском переводе и письмо следующего содержания.

«Глубокоуважаемый Учитель!

Меня зовут Кэндзи-ро Токутоми. Мне тридцать семь лет. По религиозным убеждениям я христианин, по профессии — писатель скромного дарования, а по общественным воззрениям — сторонник социализма.

Я долго не мог решиться послать вам это письмо. Причина заключалась в том, что хотя я и с любовью читал ваши произведения, а ваш литературный талант, ваше горячее стремление правдиво изображать жизнь всегда вызывали у меня чувство глубокого уважения и восхищения, я не мог полностью принять ваше учение о непротивлении злу насилием, ваше отрицание цивилизации, ваше убеждение в том, что труд крестьянина единственно важен. Я не мог принять ваши идеалы потому, что считал их неосуществимыми. Воплощение ваших идей, казалось мне, привело бы к крушению общества.

Даже когда возникла война, я не был согласен с антивоенными взглядами социалистов и был одним из тех, кто упорно поддерживал войну против России.

Учитель! Хотя я и любил русский народ, с которым меня познакомили творения великих русских писателей, но мне претил произвол русского царизма. Я был одним из тех, кто радовался так называемой победе Японии и сожалел о заключении мирного договора, считая что Россия еще недостаточно склонила голову перед нами, чтобы мог быть заключен мир.

К счастью, мир был заключен. Вместе с ним в моей духовной жизни совершился огромный переворот. Я с горечью осознал, как недостойно было мое прошлое, которое было построено на лжи и мелком эгоизме. И я с еще большей силой почувствовал правду вашего учения, которое прежде считал пустой мечтой. Отныне я решил вести жизнь, исполненную любви к богу и людям. Я стал вегетарианцем. Я поехал в горы к минеральному источнику, находящемуся среди льдов и снега, чтобы в тишине все глубоко продумать, все изучить и попытаться стать лучше и чище.

Я с глубоким сочувствием отношусь к современным событиям в России⁵. Япония также должна заново родиться. В мире много дел и много надежд.

Наш многоуважаемый любимый Учитель!

Я желаю вам жить долгие годы и наставлять нас*.

* Письмо от 21 января 1906 г. Текст подлинника (АТ) значительно отличается от приводимого здесь Токутоми. — А. III.

NAMI-KO

A REALISTIC NOVEL

TRANSLATED FROM THE JAPANESE OF

KENJIRO TOKUTOMI

愛子
長次子伯子様
千九百廿年其母降誕年
徳富健次郎

To Beloved Master
S. N. Tolstoy.
From
Kenjiro Tokutomi.
Xmas 1905.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОКУТОМИ РОКА НА ЕГО КНИГЕ «НАМИ-КО» (БОСТОН, 1904):

«Любимому учителю Л. Н. Толстому от Кэндзио Токутоми. Рождество 1905 г.»

Надпись сделана на японском и английском языках

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Я послал это письмо, и мне вдруг невыразимо захотелось увидеть Учителя. Возвращаясь из путешествия по Западу, я в середине мая послал Толстому из Порт-Саида второе письмо следующего содержания:

«Любимый Учитель! Я еду навестить вас. Мой путь: Иерусалим—Назарет—Константинополь—Ясная Поляна. Приеду я не скоро, вероятно, в конце июня, и буду иметь счастье вас лицезреть.

У меня нет даже рекомендательного письма к вам, говорю я только на ломаном английском языке, а по-русски не знаю ни слова. И все-таки я твердо верю, что вы подадите мне руку и станете духовным наставником на моем жизненном пути. Если это письмо благополучно дойдет до вас, то надеюсь, что мой приезд не будет для вас слишком неожиданным»⁶.

ПЕРВАЯ ОШИБКА

Поезд, в котором я ехал с юга, прибыл в Тулу поздно, в половине первого ночи.

Надеясь, что авось как-нибудь доберусь, я был сразу же наказан за то, что так плохо знал свой путь. Мне было известно лишь одно, что дом Толстого находится где-то недалеко от станции, следующей за Тулой, но я не знал точно, где находится эта станция, то ли на север от Тулы, то ли на юг. От Курска я спрашивал об этом буквально у каждого, но из-за незнания языка я не смог ничего добиться. Решив, что Протопопово именно та станция, которая мне нужна, я сразу же по прибытии в Тулу быстро выскочил из вагона, купил билет до этой станции и снова сел на тот же поезд. В случае если ошибусь, подумал я, вернусь назад. Вскоре я приехал на следующую от Тулы станцию и сразу же сошел с поезда. Пять-шесть ребятишек, которые от самой Тулы прятались под лавкой от кондуктора, выпрыгнули здесь вместе со мной из вагона. Со смехом подхватив мои вещи, они проводили меня к начальнику станции.

Я показал билет начальнику станции и повторил несколько раз: «Толстой! Толстой!»

Он как будто понял, в чем дело, и утвердительно кивнул головой.

— Поезжайте обратно, — сказал он и махнул рукой.

Времени свободного не оставалось. Услышав гудок приближающегося поезда южного направления, я снова купил билет и вскоре сел в вагон. Ребята опять взвалили на плечи мой багаж и со смехом внесли его в вагон. Пришел кондуктор и прежде, чем взглянуть на мой билет, с безразличным видом, сонным сердитым голосом прокричал: «Билет! Билет!» Мой билет он разорвал и выбросил.

Поезд снова прибыл в Тулу. На крик кондуктора пришел городской и заставил меня сойти с поезда. Затем он долго меня расспрашивал, но на этом дело не кончилось...

Короткая летняя русская ночь близилась к концу. Уже в два часа начало светать.

Население Тульской губернии составляет сто восемьдесят тысяч человек, и центр ее — Тула — оживленный город, в котором развита оружейная промышленность, а также другие виды промышленности. На станции при свете электрических фонарей и в лучах утренней зари меня кругом обступили любопытные.

Одна женщина в платье с длинными свисающими рукавами пыталась разговаривать со мной по-французски, но, увидев, что я ничего не понимаю, пожала плечами, посмотрела на меня презрительно, как на неуча, и ушла.

Приближалось время отправления поезда.

Пришла женщина лет пятидесяти в черном платье и осведомилась по-английски, в чем дело.

— Ах, вот как? Вы к графу Толстому? Из Японии приехали к великому писателю Толстому? Вам нужно сойти через одну станцию от Тулы, затем верст пять проехать на лошади.

Она передала разговор городовому. Тот вынул записную книжку и, написав что-то карандашом, сказал: «Передайте это проводнику». Затем он крикнул носильщика в белом фартуке и велел ему купить билет. В это время как раз прибыл поезд, идущий на юг, и я сел в него. Женщина в черном дважды входила в вагон.

— Не ошибитесь. Сойдете через одну станцию, — любезно сказала она и ушла.

Вскоре поезд отошел от Тулы и направился на юг, останавливаясь на каждой станции. Мои спутники по вагону, узнав, куда я еду, из окна вагона указали мне на видневшийся с западной стороны дом на равнине, освещенный лучами утренней зари. Вскоре я сошел на станции Щекино. Правда, ближе всего от дома Толстого отстоит Засека — следующая от Тулы станция, но я, следуя совету дамы в черном, сошел через одну станцию.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Наконец настало утро. Из-за рощи на востоке показалось солнце, но, когда я взглянул на часы, был только четвертый час. О том, чтобы идти к Толстому так рано, нечего было и думать, и я прилег на скамейку отдохнуть, но не мог уснуть.

Щекино — небольшая станция. В одном углу станционного здания висит икона. Так как здесь и почта, — на столах чернильницы с фиолетовыми чернилами и перья. Проснувшись утром на этой станции, я увидел, как молодой парень, протирая заспанные глаза, разжигал самовар.

Потом пришел старый крестьянин и предложил мне телегу. «Граф Толстой, граф», — сказал я ему, и он понимающе кивнул головой. Так как Толстой одевался просто, то и гостю, наверное, можно было не наряжаться. Я только сменил свою почерневшую от копоти рубашку на белую и вышел погулять среди берез. Было уже около пяти часов. Мы сели в телегу и поехали. Возница мой был тот же старик с угрюмым выражением лица. Обыкновенная русская телега медленно катилась на северо-запад вдоль ржаного поля. Во ржи цвели васильки и конский щавель.

Тихое летнее утро в России!

Солнце стоит высоко, но оно не сияет ярко, а светит сонным блеском; дальний лес окутан дымкой. Все поле — словно сплошное море белой росы. Откуда-то доносится пение петухов. Людей не видно. Еду в полудремоте, покачиваясь в телеге. Вдалеке за ржаным полем — церковь, выкрашенная в голубой цвет. В одном часе езды от станции — небольшая деревня. Это Ясная Поляна. По обеим сторонам тянутся низкие домики, крытые соломой и дранкой. На широкой улице растет трава. Залаяли собаки. Босоногие деревенские мальчишки стояли и глазели на нас. Телега спустилась с холма, на котором расположилась деревня, и мы въехали в ворота. К ним примыкает большая сторожка с высокой зеленой крышей. В сторожке было пусто, ворота, по-видимому, всегда открыты. Налево — пруд в четыре тѣ⁷. Метров сто дорога идет вверх, обрамленная густо растущими зелеными березами, кедрами и липами. Среди этой зелени высится двухэтажный дом с белыми стенами и зеленой крышей; к северу от дома — роща; деревья растут и с других сторон дома, обращенного фасадом на восток.

Некоторое время наша телега ехала под яблоневыми ветками, согнувшимися от тяжести зреющих плодов, затем остановилась у входа в дом с западной стороны. Я расплатился с кучером, и телега уехала. Долго стоял

я на одном месте. Кругом ни души, в доме тишина. Взглянул на часы — седьмой час...

Из кухни вышел похожий на слугу мужчина со светлой, расчесанной на две половины бородой, покрывавшей его грудь. Я сделал ему знак рукой и спросил: «Спят еще?» — он утвердительно кивнул головой. Я отнес вещи в прихожую и вышел наружу. Хотя большой яблоневый сад зарос травой, видно было, что за деревьями хорошо ухаживают: под ветки, которые ломились от тяжести плодов, были подставлены подпорки.

Я повернул назад от яблоневого сада и спустился к пруду. На нем плавало с десяток домашних уток; женщины стирали белье. Меж сосен бродили две лошади, щипавшие траву; коней стреножили, чтобы они не убежали, поэтому они передвигались странными скачками. Я сидел на берегу и словно во сне наблюдал за всем происходящим. Вот из ворог вышла женщина, веся на плече грабли и держа в руке металлический чайник. За ней с ревом выскочил мальчишка лет пяти-шести в красной рубашке. Он почему-то капризничал, мать отшлепала его, ребенок еще пуще разревелся, и они ушли по направлению к деревне.

Я медленно поднялся, пересек ведущую к дому дорожку и пошел в рощу с правой стороны. Здесь я увидел еще один пруд, окруженный немногим больше одного тё. В воде цвели белые кувшинки, на берегу была разостлана соломенная циновка, какие обычно стелят на полу, чтобы класть одежду при купании. Обогнув пруд, я сел на узкую зеленую скамеечку под сенью берез, склонившихся над прудом. Решив немножко отдохнуть, я подложил под голову вместо подушки свой пробковый шлем, накрылся плащом и задремал.

Вдруг мне показалось, что кто-то приближается. С трудом подняв отяжелевшие веки, я увидел, что рядом стоит какой-то старик. Я подумал: «Это садовник пришел убирать в саду» — и в то же мгновение увидел лицо, которое нельзя было не узнать. Но не успел я вскочить, как старик быстро произнес: «Господин Токутоми?», — и, улыбаясь беззубым ртом по-детски милой улыбкой, протянул мне руку.

— А-а, вы Толстой? — воскликнул я, поспешно беря его руку.

Рука была большая и теплая.

— Вы, наверно, не получили моего ответного письма? — сказал он.

— Ваш ответ? Нет, я приехал, не получив вашего ответа. А вы получили мое письмо, посланное из Порт-Саида? — спросил я.

— Получил и прочитал. Прежде чем написать вам ответ, я долго думал. Простите! — тут Толстой, похлопывая меня по руке, сказал: — Я не мог верить вашему письму, потому что оно слишком лестно для меня. Поэтому я долго размышлял над ответом. Но вы мне писали правду?

— Конечно, правду. И именно поэтому, простите меня за откровенность, мне захотелось хоть раз посетить вас. Как ваше здоровье, Учитель?

— Не совсем хорошо. Я знаю, что мне до смерти недалеко. Все страшится смерти, но смерть — избавление, так что бояться нечего...

Я глядел на его лицо: оно было красноватого оттенка. Дымчато-белые усы и борода, чуть влажные глаза, беззубый рот. Он выглядел старше, чем я думал. А ведь ему уже было семьдесят восемь лет.

Разговаривая, мы отошли от скамейки, где встретились. Лев Николаевич шел впереди, а я следом за ним. Мы спустились по тропинке к другому, маленькому пруду и пошли вдоль берега.

На Толстом была серовато-белая фланелевая блуза, подпоясанная черным кожаным поясом, широкая белая шляпа. И весь он, с палкой в руке, был в точности такой, каким я его видел на фотографиях и каким я его себе представлял.

ОТКРЫТКА С НОВОГОДНИМ ПОЗДРАВЛЕНИЕМ, ПРИСЛАННАЯ ТОКУТОМИ РОКА
ТОЛСТОМУ, ДЕКАБРЬ 1902 г.

Архив Толстого, Москва

Лев Николаевич расспрашивал меня о моем старшем брате, который десять лет назад навестил его⁸, затем спрашивал о Фукаи⁹. После этого мы заговорили о нем самом. Он рассказал:

— Пусть мне осталось недолго жить, но я буду работать до последнего мгновения. Сейчас я работаю над произведением о взаимоотношениях правительства и народа. Рукопись уже наполовину закончена¹⁰.

Меня он расспрашивал о современном политическом положении Японии, о соотношении между сельским хозяйством, промышленностью и торговлей.

— Сила страны — в тружениках, которые сами возделывают землю, не пользуясь чужим трудом, — так излагал он мне свои взгляды. — А что, в Японии крестьянские сыновья тоже продают свою землю и уходят в город учиться? — спросил он меня.

Когда я утвердительно кивнул головой, он повернулся ко мне и сказал:

— А почему бы вам не пожить жизнью сельского труженика?

— Я очень люблю крестьянский труд, сейчас у меня нет ни клочка земли, но все же я намерен вести полукрестьянскую жизнь.

Мы повернули от пруда и пошли к дому по тропинке, еле заметной в траве. Трава была расцвечена белыми, желтыми, красными цветами лютика, ветряницы, дикой гвоздики.

Поблизости какой-то старик только что закончил точить косу. Лев Николаевич обменялся с ним двумя-тремя словами, бросил палку, взял у деда косу и принялся косить траву. Я тоже взял косу и неумелой рукой попробовал косить — взмахнул косой раза два-три.

Чуть подальше под деревом, на скамейке, двое детей лет шести—восьми играли под присмотром няни. Это были внуки Толстого. Он поцеловал каждого.

— Мое почтение, — сказал я по-русски и пожал им ручки.

— Мое почтение! Очень хорошо! Очень хорошо! — улыбаясь, сказал Толстой.

Незаметно мы вышли на площадку около дома. Земля здесь была посыпана белым песком. Две-три клумбы, и на них красивые цветы сверкали на солнце яркими красками. Под ветками клена в тени стоял длинный стол, накрытый белой скатертью. На столе шумел серебряный самовар, расставлена была посуда, сливки, хлеб, тут же лежала только что полученная почта. Здесь Лев Николаевич представил меня какому-то господину лет пятидесяти, с лысеющей головой. Я заметил, что он тоже был подпоясан черным кожаным поясом. Это был Маковицкий, доктор, родом с австрийской границы¹¹. Во время войны он работал в военном полевом лазарете, затем долгое время жил в семье Толстого.

После просмотра почты Лев Николаевич протянул мне небольшую книгу в желтом переплете.

— Как жаль, что вы не умеете читать по-русски! Это очень интересная книга, написана она крестьянином Бондаревым, ее название «Труд»¹².

Эта книга была переведена на английский язык, но сейчас у меня в руках было русское издание с предисловием Толстого.

— А разве она не запрещена в России? — спросил я.

— Была запрещена, но сейчас разрешили, — сказал Толстой. Потом, показав мне на домик, стоявший среди берез, добавил: — Живите вот в этом флигеле и ни о чем не беспокойтесь. — Пожав мне руку, Толстой ушел к себе, чтобы поработать до обеда.

СЕМЬЯ

Я пил чай, налитый мне доктором, и мы довольно долго беседовали с ним. Потом знакомый мне слуга Илья, с бородой, расчесанной на две половины, пришел сказать, что комната убрана. Я встал и в сопровождении Илья ушел во флигель.

В прихожей — по площади не более четырех татами¹³ стоял умывальник. В следующей комнате, размером около десяти татами — некрашенный стол, кровать, софа, комод и три-четыре мягких стула. На обоих окнах, обвитых снаружи плющом, висели занавески. За окном качались яблоневые ветви с тяжелыми плодами, а внизу, под ветвями, трава была расчищена и находилось несколько клумб.

По-видимому, этот флигель был построен специально для гостей. Здесь хотелось бы лет десять прожить, так было уютно; чудесный кабинет для работы. И в то же время жалко было потерять хотя бы один день.

Едва я успел разобрать свои вещи, как прозвенел колокол ко второму завтраку. Хотя я очень устал и хотел спать, но заставил себя пойти, чтобы приветствовать собравшихся под кленом к обеденному столу. Толстого не было.

Жена Льва Николаевича — женщина полная и цветущая — была на семнадцать лет моложе своего мужа и выглядела пятидесятилетней, хотя ей было уже шестьдесят два года. Одета она была в простое, сиреневого цвета платье, застурченное складками, с белой вставкой на груди. Она поздоровалась со мной так же сердечно, как и муж.

— Наверно, ужасно надоели гости? — спросил я.

— Нет, мы привыкли, — сказала она с улыбкой.

— Если вы не возражаете, я поживу у вас немного.

— У нас скоро должна быть свадьба старшего сына¹⁴, так что до этого времени живите, пожалуйста, и не беспокойтесь ни о чем, — очень приветливо отвечала она.

У нее было тринадцать детей, но в живых осталось только восемь. За столом сидел третий сын Толстого — Лев с женой и двумя детишками. Лев

унаследовал от отца его литературный талант и склад характера. Жена Льва Львовича, по рождению шведка, была общительная и добрая женщина. Лев обычно жил в Петербурге и только совсем недавно приехал в Ясную Поляну.

Младшая дочь Мария, любимица отца, очень худая и болезненная, лучше всех из семьи говорила по-английски. Ее муж, князь Оболенский, являл собой тип женственного славянина: короткая борода, мягкие манеры и нежный голос.

Незамужняя дочь Александра, жизнерадостная полная девушка двадцати двух лет, получила образование в женской гимназии в Москве. Кроме них, здесь был и доктор, которого я видел раньше, помощница Толстого по имени Юлия¹⁵ — полная тридцатилетняя барышня, и какая-то школьная подруга Александры.

Около стола находились четыре собаки. Одна — очень хорошей сибирской породы с чистой длинной белой шерстью и умными глазами, рыжий пойнтер, черный сеттер и спаньель — черный с белыми пятнами.

За столом никто не прислуживал. Сверху — зеленая листва, внизу — белый песок. Ешь и пей сколько хочешь, разговаривай с кем хочешь, — чувствуй себя свободно. И я, забыв, что только этим утром приехал, непринужденно беседовал со всеми.

КУПАНИЕ В ВОРОНКЕ

После завтрака я ушел к себе во флигель. Неожиданно, распахнув дверь, вошел Толстой.

— А, книги... Какие у вас книги?

Я показал ему разложенные у меня на столе книги. Тут лежали Библия, «Четверокнижие»¹⁶ в карманном издании, стихи Байрона, сборник «Горная хижина»¹⁷, путеводитель по Палестине. Толстой раскрыл «Четверокнижие» и спросил:

— Что это такое?

— Мэн-цзы¹⁸.

— Мэн-цзы, Мэн-цзы... Я больше люблю Мо-цзы¹⁹, чем Мэн-цзы. Приходится пожалеть, что Мэн-цзы недостаточно глубоко познал подлинный смысл учения Конфуция и оспаривал Мо-цзы. Вы любите купаться? Я сейчас хочу пойти. Нет, не в пруду. Тут поблизости есть река, сейчас там строят плотину, нужно немного подалее пройти. Идемте?

Лев Николаевич стоял с полотенцем, повязанным вокруг пояса. Я быстро переоделся в летнее кимоно и пошел за ним. Мы отправились к яблоневому саду мимо того берега пруда, где мы впервые встретились. Я еле поспевал за ним. Стараясь не задеть за колючую изгородь, мы пролезли через отверстие и разговаривали при этом обо всем, что приходило в голову.

В овраге за деревней Ясная Поляна нам встретились два странника, обутих в опорки, с палками в руке и котомками за плечами. Толстой остановил их, немного поговорил, затем вытащил из-за пазухи кошелек и дал этим совершенно незнакомым людям немного денег.

Когда мы поднялись на другой холм, я спросил Толстого:

— Учитель, вы писали Абэ Изо о том, что социализм полон ошибок, он забывает о душе... Вопрос идет о том, как помочь душе и телу. Разве социализм не есть проявление любви к ближнему в экономическом устройстве общества?

Перебив меня, Толстой воскликнул:

— Какое письмо? Не помню, чтобы я его писал²⁰. Недавно в одном американском журнале поместили письмо, которое я никогда не писал. «Видимо, старик стал забывчив», — подумал я. А он добавил:

— Что говорили первые социалисты — еще можно послушать, а уж об этих, вроде Бебеля, не стоит и говорить²¹.

Мы поднялись на холм и, идя по дороге, вошли в глубь густого зеленого леса. Я шел позади Толстого.

— Учитель, мне хочется вас кое о чем спросить. Вы молитесь?

— Да, каждое утро. Я написал книгу: «Разум, вера и молитва»²². Да, я каждое утро молюсь.

Беседа перешла на тему о духовной жизни Японии.

— Япония в духовном смысле находится в периоде исканий, — сказал я. — Тяжело и грустно, что бывают войны, но война как-то настраивает людей на серьезный лад. Люди находятся на грани жизни и смерти и вновь обретают свою подлинную сущность. К примеру, все, кто участвовал в последней войне, начиная с Того²³, кто испытал бедствия войны, хотя и не стали истинными христианами, но все же стали более верующими, серьезными людьми.

Толстой обернулся, блеснув глазами.

— Нет, я думаю иначе. Даже если такие люди, как Того, и стали верующими людьми, то все же их вера не глубока, разум они считают решающим, но он не может схватить сущность вещей.

Затем, повернувшись ко мне, добавил:

— У Конфуция есть такое изречение: «В словах нужно быть осторожным. Одним словом выражается мудрость или глупость твоя».

Выходит, что он меня назвал глупцом. Хотя я в то время посетовал на него за это, но в глубине души сейчас знаю, что он был прав.

Разговор зашел о современном положении России, о Думе.

Толстой сказал:

— Дума ни к чему, разве вопрос только в том, чтобы передать власть из одних рук в другие? Главное, чтобы не признавать никакой власти.

Я заметил:

— Корень всех бедствий — любовь к деньгам.

Толстой ответил:

— Любить деньги значит любить власть.

Разговор снова перешел на другую тему и коснулся воинской повинности и мира. Я сказал:

— Путь к миру лежит не через Гаагскую конференцию; единственно правильный путь указывает секта духоборов²⁴. Если бы все встали на этот путь, не обошлось бы, конечно, без жертв, но они послужили бы благой цели.

— Да, это так. Однако будет плохо, если кто-нибудь из них открыто возьмется за оружие. Любовь в каждом человеке должна быть настолько велика, чтобы она не позволила взять оружие в руки. И в самом деле, кто может подчиниться, если скажут: отрежь голову младенцу? Любовь к ребенку не позволит этого сделать. А причем тут жертвы?

Этимися словами Толстой помог мне избавиться от старого заблуждения. В самом деле, заранее подсчитывать выгоду или убытки от своих поступков, предугадывать результаты, рассчитывать действительность жертв — дело людей, считающих себя мудрецами; простые же люди, ищущие истину, именно потому и ратуют за нее, что она у них в душе, и они не могут поступить иначе.

В это время на дорогу вышла босоногая старуха. Она шла то впереди, то позади Толстого, разговаривая с ним. Вдруг у нее из глаз полились крупные слезы. Толстой успокоил ее, и они расстались.

— Кто это? — спросил я.

— Вы читали, наверно, о народной школе в Ясной Поляне? Муж этой женщины, мой большой друг, работал в этой школе учителем, недавно он умер, она и плакала, вспоминая о нем²⁵.

Вскоре лес кончился, и мы вышли на широкую дорогу. Невдалеке нас поджидала повозка, на облучке которой сидела женщина. Это приехала

ТОЛСТОЙ И ТОКУТОМИ РОКА В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Фотография С. А. Толстой, 1906

Музей Толстого, Москва

Александра, чтобы подвезти отца. Продолжая разговаривать, мы сели в повозку, Александра заняла место кучера и, помахивая кнутом, стала мастерски править лошастью. Толстой, улыбаясь, сказал:

— Россия и Япония сели в одну повозку, женщина правит лошастью. «Как это необычно», — подумают посторонние.

Немного спустя, повозка выехала к реке — один берег ее порос лесом, другой был открытый — и остановилась. Мы вышли из повозки и спустились вниз по склону, заросшему белыми, красными, желтыми и голубыми цветами. Когда мы достигли берега, двое детей поздоровались с нами, затем мы все вместе пошли к реке. Река шириной не более шести-семи кэн ²⁶ текла спокойно меж извилистых берегов; вода в ней была мутноватая. На берегу стояла купальня; рядом сидели женщины. Нужно было найти другое место, и мы снова сели в повозку. Вскоре мы приехали в безлюдное место и сошли на берег. Толстой прежде всего прощупал палкой дно, затем мы разделись. У Льва Николаевича была совершенно гладкая кожа, у меня же мохнатая, поросшая волосами. Мы бросились в воду. В тени деревьев вода была прохладной; нырнув, я встал на дно — оно было каменистое. Хотя я давно не плавал, но поплыл саженками. Лев Николаевич посмотрел, как я плыву, и спокойно поплыл точно так же. Когда уже пора было выходить, он шутливо сказал:

— Японцы и русские даже плавают одинаково, а вот европейцы не плавают саженками, плавают вот так, — и он поплыл на манер черепахи.

Я слышал, что река Воронка впадает в реку Упу, которая в свою очередь впадает в Оку — приток Волги. О Воронке упоминается в романе «Анна Каренина». Я думаю, что это название взято отсюда...

Мы снова сели в повозку, выехали на шоссе Москва — Тула и повернули домой. На обочине дороги среди деревьев стояли красивые дачи, наверно московских богатей. Дорогу чинили; несколько пожилых мужиков сидели на обочине и разбивали булыжник. Толстой, взглянув на них, сказал: — Социализм нужен вот для таких людей...

В это время мы услышали, что кто-то нас зовет. Это был Лев-сын, он ехал верхом на лошади, возвращаясь по опушке леса домой.

Между Толстым и мною завязался разговор о вере.

— Что вы думаете о христианстве? — спросил он меня.

— Я считаю, что христианство — самая широко распространенная и самая правильная вера. Человечество считает своими вероучителями троих: Христа, Сакия Муни и Конфуция. Однако среди них выше всех стоит Христос. Бог проявился через Христа, а верующие думают, что бог явился в самом Христе. Верить в бога — значит следовать божественному учению во всей его чистоте. Однако я не знаю такой страны, где бы отрицали пустые обряды и признавали бы только само учение Христа...

Толстой молча слушал, затем неожиданно заговорил:

— Большинство христиан считает Христа богом, а мне не по душе, что Христу поклоняются, как идолу.

Повозка въехала в главные ворота. Когда мы подъехали к дому, жена Толстого заставила нас подождать, пока она установит фотоаппарат. «Не двигайтесь!» — предупредила она, затем навела объектив и сфотографировала нас на память ²⁷.

ВЕЧЕР

Вечером, как обычно, ужинали под кленом. Вся семья вместе с хозяином собралась за столом. Прислуживали уже знакомый мне Илья и его молодой помощник — во фраках и белых перчатках.

Здоровье Толстого в последнее время ухудшилось, и поэтому он соблюдает диету. Так как среди присутствующих находились вегетарианцы, были поданы супы — мясной и овощной. Кроме того, был подан квас, салат из огурцов, крутые яйца и мороженое. Вегетарианцами за ужином оказались только я и Лев Николаевич.

Лев-сын сказал:

— Мы с женой одно время были вегетарианцами, но сейчас стали есть и мясо.

— А я стала есть мясо только потому, что у меня плохое здоровье, — объяснила Мария.

Когда я сообщил, что только семь месяцев назад стал вегетарианцем, Толстой произнес:

— А я уже двадцать восемь лет вегетарианец.

После ужина все разошлись кто куда: Лев с доктором пошли на корт, находившийся невдалеке от дома, играть в теннис, а я пошел гулять в парк. Здесь привольно росли липы, березы, дубы; густо зеленела трава и цвели яркие цветы.

В одном уголке сада, недалеко от дома, были посажены сливы, вишни и крыжовник. В другом находились теплицы, где вперемежку росли теплолюбивые овощи: огурцы, баклажаны и пр.

Вскоре наступили сумерки. Прозвенел звонок к чаю, и из дома послышался оживленный шум голосов и смех.

«Наверное, о чем-нибудь интересном говорят», — подумал я, но, чувствуя страшную усталость, ушел к себе в комнату и погасил свет.

Наступила моя первая ночь в Ясной Поляне.

ТОЛСТОЙ ГЛАЗАМИ СВОИХ СЫНОВЕЙ

1 июля

Проснувшись утром, я выстирал несколько носовых платков и дяубан²⁸ и как только все это высохло на утреннем солнце отправился к столу под кленом. Там сидел господин, читавший газету. Это был младший брат Льва Львовича — Андрей, приехавший накануне вечером. У него лоб уже облысел, хотя ему всего двадцать девять лет. Во время русско-японской войны он ушел на фронт добровольцем. Прежде он жил вместе с родителями, помогал матери вести хозяйство. Андрей мне рассказал, что его жена, дочь Черткова²⁹, вместе с детьми сейчас находится в Англии. Он захотел мне что-то показать и пригласил к себе. Мы прошли в его комнату, находившуюся внизу, на первом этаже. На стене висели старые охотничьи ружья, и среди них несколько привезенных Толстым с Кавказа. Андрей показал мне фотографию, сделанную его другом на войне: ужасное зрелище, на которое невозможно смотреть, — рукопашный бой под Мукденом... Андрей был на войне адъютантом генерала, ему не пришлось пролить чью-либо кровь, но он сказал мне, что война ужасна.

После этого мы возвратились к столу под кленом и там продолжали беседу.

— Зачем вы пошли на войну?

— Я не мог, — сказал он, — оставаться безучастным, когда страна была в опасности. Конечно, я уважаю убеждения отца, он пользуется мировой славой, но ведь каждый думает по-своему. Я русский человек, и за Россию я готов пролить свою кровь...

Я думаю, что Андрей мог бы послужить прототипом Николая Ростова в романе «Война и мир». Я не мог не поддаться чувству симпатии к этому простому, искреннему патриоту. Хотя мне трудно было представить себе, как мог Лев Николаевич отпустить своего сына из-под родного крова, но, подумав хорошенько, я согласился с ним.

Затем я беседовал со Львом у себя во флигеле.

— Я слышал, что вы унаследовали талант отца и пишете повести, статьи и пьесы, — сказал я.

— Да, я давно сотрудничаю в газете «Новое время», а теперь подумаю об издании своей газеты.

Затем он рассказал мне, что пишет комедию о современной России³⁰.

— Было бы лучше, — сказал он, — если бы японцы бок о бок с русскими трудились в Маньчжурии, вместо того чтобы воевать. Я ведь раньше тоже был офицером гвардии, но по совету отца оставил армию; затем был на государственной службе, но заболел и оставил ее.

— А как вы относитесь к отцу? — спросил я.

— Идеалы отца трудно согласуются с действительностью. Отец сейчас стал мягким, добрым, а раньше он был очень фанатичным, властным. Теории, которые он выдвигает, может проповедовать только одинокий, неженатый человек, а не тот, у которого есть жена, дети, кто живет в обществе. Отец только проповедует на словах, а ничего не проводит в жизнь. Кроме того, я прислушиваюсь к мнению тестя — знаменитого шведского доктора (фамилию я его забыл)³¹. Может быть, вы слышали о нем? Такие люди, как мой тесть, тихо, без шума, совершают добрые дела, как и подобает христианину.

— Итак, вы раньше придерживались взглядов отца, а теперь тестя; значит, вы следуете то за одним, то за другим? — спросил я его.

— Да, — горько усмехнулся он, — но теперь я иду своей дорогой.

СЕНОКОС

После обеда все женщины, за исключением хозяйки дома, жены Льва и Юлии, пошли на сенокос. Даже жена повара, недавно оправившаяся от болезни, пошла помогать. Меня тоже пригласили. Мария и Александра, шедшие с нами, — одна в красном, другая в синем платке — походили на крестьянских девушек.

Когда мы вышли, я увидел двух деревенских девочек, стоявших у входа, они принесли дикую малину, которую собрали в лесу. Хозяйка дома купила у них ягоды.

Обернувшись ко мне, Мария сказала:

— Разве вас не удивляет, что они так бедны, а мы богаты?

Мы пересекли яблоневый сад и вошли в лес; в траве цвели маки, подорожники и еще три-четыре вида цветов. И яблоневый сад, и этот лес, и поле — все входило в имение Толстого. Лес, сады, пастбища, поля составляли более шестисот тё, один только яблоневый сад раскинулся на шестьдесят тё.

Поляна у опушки леса была сплошь покрыта скошенной травой, на середине росло несколько белых берез. Обе дочери Толстого, жена повара с сыном и школьная подруга Александры принялись ворошить скошенную траву — кто руками, кто косовищем. Пришедший вместе со всеми князь Оболенский сел в тени берез, обхватив колени руками. Мимо проехал верхом на лошади Лев Львович. Улыбаясь, он сказал:

— Очень хорошо, очень хорошо.

Все это напомнило мне сцену сенокоса в романе «Анна Каренина». Я тоже из любопытства, посмеиваясь над собой, принялся работать, стараясь не отставать. Пока я, покрытый потом, усердно ворошил сено, облако закрыло солнце и послышался отдаленный гром.

— Э, сейчас будет ливень, скорее, скорее сгребайте траву. — Мы стали сгребать уже просохшую траву и укладывать в две копны; косы только мешали и били по спине. Некогда было даже обтирать струившийся пот. Наконец я выпрямился, тяжело перевел дыхание; холодный ветерок обдавал, как струя прохладной воды. В лесу стало темно, березы тревожно шумели. Над верхушками деревьев неслась на восток фиолетовая туча, прогремел гром. На лицо упала первая капля, другая...

Мария, слабая здоровьем, первая почувствовала усталость и оставила работу. За ней ушли все, кроме кухарки с сыном и Александры. Я вконец выбился из сил, но продолжал работать: перетаскивал и складывал траву в копны. Пока мы сгребали траву, грозовая туча пронеслась дальше к востоку — дождя не было. Мне стало очень радостно, когда жена повара от всей души поблагодарила меня за помощь.

Мы вышли на поросшую травой межу, видневшуюся среди ржаного поля. Здесь цвели васильки, колокольчики, белая кашка и красный чертополох. На холме, расположенном напротив, поспевала рожь, а вдали, на другом холме, вздымавшемся, как гребень волны, рос густой зеленый лес. После дождя, который прошел стороной, ярко светило солнце, небоозримый простор открывался вокруг. То там, то здесь виднелись дома. Я дышал полной грудью.

Яблоневый сад, который сторожил старик-крестьянин, не был огорожен забором, только кое-где в один ряд провисала натянутая проволока. Рядом с усадьбой рос лес, посаженный перекрестными рядами, но сам дом стоял в лесу, к которому примыкало поле. В этот лес могли свободно ходить все, кому хотелось погулять, и даже охотники. Мне приятно было узнать, что летом в густой траве здесь не водится змей.

Подойдя к дому, я увидел двух нищих, стоявших у входа. Как раз в это время вышел Толстой, немного поговорил с ними и, как и в прошлый раз, вытащил кошелек и дал им денег.

敬啟者

上卷下卷五冊

德富健太郎

To Beloved Master
L. N. Tolstoy

from
Kenjiro Tokutomi

Christmas 1905

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТОКУТОМИ РОКА НА КНИГЕ «ТОЛСТОЙ» ИЗ СЕРИИ «ДВЕНАДЦАТЬ ПИСАТЕЛЕЙ» (1897):

«Любимому учителю Л. Н. Толстому от Кендзиро Токутоми. Рождество 1905»

Надпись сделана на японском и английском языках

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

ВЕЧЕР НА БАЛКОНЕ

Вчера вечером Толстой показал мне танка³², сложенную его величеством императором Мэйдзи³³ и опубликованную в журнале в английском переводе.

Им нет от нас пощады,
Им, ненавидящим наш край,
Но, смерть неся врагам,
Их силе и отваге
Ты должное отдать не забывай.

Он спросил меня:

— Как можно объяснить это несоответствие между словами императора и его действиями?

В ответ я прочитал еще две танка императора:

Все дети на войне.
Нет никого.
Остался лишь старик,
И он один
Хранит поля и горы.

Среди листвы, и нежной, и зеленой,
Проглядывает небо в дымке голубой.
О небо! Как желаю я,
Чтоб сердце сравнилось
В чистоте с тобой.

После этого беседа перешла на поэзию. Я рассказал, что в Японии, кроме таких песен, есть еще так называемые хокку³⁴, в которых семнадцатью слогами можно выразить и глубокую идею, и тонкий смысл.

— Интересно, прочитайте.

— Я прочту вам короткие стихотворения, выражающие глубокую мысль. — Отступив немного в сторону, я, к удивлению Толстого, стал на память читать многие танка и хокку. Каждое из этих стихотворений имело свое содержание, но я странным образом не мог в эту минуту вспомнить ни одного, где бы выражалась глубокая возвышенная идея.

Вернувшись к себе, я пожалел, что напрасно пытался удивить Толстого глубиной мысли нашей поэзии, лучше было бы расспросить его о его мыслях и почтительно слушать.

Сегодня, когда вошел Илья, только что вернувшийся с косьбы, я спросил его, может ли Лев Николаевич еще раз поговорить со мной. Илья провел меня на второй этаж. Мы прошли через залу, в которой висело множество картин, через кабинет Толстого и вышли на балкон. Балкон находился рядом с комнатами Льва Николаевича и его жены. Он был открытым и выходил на восток. На перилах балкона шириной в два сун³⁵ стояли в ряд три глиняных горшка. Лев Николаевич в это время поливал растения водой. В одном горшке из мандаринового семечка уже пророс стебелек с двумя листочками, в другом — оболочка семечка еще только лопнула и торчал изогнутый росточек, а в третьем — в земле лежало белое, едва лишь набухшее семя. Толстой показал на них пальцем и с улыбкой сказал:

— Люблю смотреть на это. Жизнь, жизнь... Я вижу развитие жизни.

По моей просьбе из кабинета была принесена книга. Я стоял, опершись на стул. Дверь в кабинет была завешена тонкой металлической сеткой: Толстой не любил мух. «Привычки старшего брата Левина из „Анны Карениной“ были на самом деле привычками самого Толстого», — подумал я.

Толстой раскрыл немецкую книгу, в которой некоторые места были подчеркнуты им синим карандашом. Это были стихи немецкого поэта первой

половины XVII века — монаха Ангелуса Силезиуса (подлинное имя которого — Вильгельм Бурш)³⁶.

— Очень интересно, послушайте! — Он стал читать некоторые двустихия, переводя их с немецкого на английский язык. Несколько раз он звал графиню, которая шла на балконе при вечернем свете. Она пришла, захватив с собой питье. Софья Андреевна слушала английские стихи, продолжая при этом шить. Она сказала, что немецкий знает лучше, чем французский и английский.

А я, забыв захватить блокнот, карандашом, взятым у Толстого, записывал стихи на своем веере.

Тот только человек и видит то, что есть,
Когда он в каждом ближнем видит бога³⁷.

Лучшие слова, которые от тебя ожидает бог:
«Да будет воля твоя!»³⁸

Кто считает что-либо мирское сладким,
Тот не знает мир сладости божества³⁹.

— Как вы себе представляете эти слова? — спросил он меня.

Я ответил:

— Человек не может быть слугою двух господ. Кто любит суетный свет, не любит бога. — Толстой одобрительно кивнул головой и продолжал читать:

Я люблю только одно и не знаю, что это такое.
Но и люблю-то я это потому, что не знаю, что это такое⁴⁰.

О друг, пока ты размышляешь, ты чувствуешь себя добродетельным
и сильным.
Но начини действовать, и ты почувствуешь себя слабым, как ребенок⁴¹.

Я сказал:

— Да, это именно то, что обычно в жизни беспокоит людей...
Он опять одобрительно кивнул.

Бог — ничто. Если он что-нибудь,
То только то, что он во мне⁴².

Толстой перевернул страницу.

— Здесь есть вот такие слова: «Мы все должны родить Христа, как Мария». Разве не интересные слова? Если каждый из нас родит Христа, то мы сможем видеть бога повсюду. Вы недавно назвали трех мудрецов, но забыли к ним причислить мыслителей древней Греции.

Графиня, не отрываясь от работы, произнесла:

— Я люблю Эпиктета.

Беседа переключилась на древних и современных философов. Вошедший во время беседы Лев-сын сказал, что он любит Эмерсона.

Тут вошли два господина, один — лет пятидесяти; другой — тридцати. Это были знакомые, партнеры Толстого по шахматам⁴³. Тотчас принесли шахматную доску, и Толстой стал с увлечением играть. Я отошел в сторону и тихо беседовал с графиней.

— Русские военнопленные, — сказала она, — все, как один, говорят, что японцы хорошо с ними обращались. Раненые очень благодарны за доброту и внимательность японских врачей и сестер. Военнопленные говорят: «Японцы хорошие...» Чувства людей повсюду одинаковы. — И в пояснение добавила: — Когда японские военнопленные были в России, они плакали при виде русских детей, вспоминая о своих. Смотревшие на них женщины-

крестьянки тоже начинали плакать. Да и наши русские военнопленные в Японии тоже плакали при виде детей...

Разговор коснулся современного положения России.

— Взгляды моего мужа сейчас не в моде. Повсюду только и шумят: революция, революция. Бунтарский дух проник даже сюда, в яснополянскую деревню. Я просто боюсь, как бы и на наш дом не напали, — говорила она, и в ее словах звучали не шутливые нотки. Затем переменяла тему разговора.

— Муж уже стар, так что весь дом на мне. А у меня уже слабое сердце. Времени свободного не бывает ни минутки. — Неожиданно она поднялась: — Это я на зиму сушу для мужа. — Она стала перебирать малину, чтоб не отсырела от вечерней росы; затем села и продолжала шить при слабом свете без очков, приблизив близорукие глаза к шитью.

Гости, не стесняясь, спросили графиню:

— Это правда, что ваша свадьба произошла точно так, как у Кити в «Анне Карениной»?

— Да, вы, вероятно, знаете, мне было тогда семнадцать лет, а мужу — тридцать четыре. Лев Николаевич, подружившись с моей матерью, часто посещал наш дом. Однажды он мне написал мелкими одними заглавными буквами, как это рассказывается в романе: «Вы юная, а я же не молод. Я боюсь, что не принесу вам счастья. Согласны ли вы стать моей женой?» Я все поняла и сразу же согласилась. Лев Николаевич был очень счастлив. Я ведь его тоже очень любила. Ну и хорошо, что согласилась...

Все засмеялись.

Вчера вечером, прогуливаясь в одиночестве около того места, где мы с Толстым впервые встретились, я увидел человек пять студентов, сидевших на берегу пруда. Они пели веселую, темпераментную песню под аккомпанемент гармони, потом вышли из ворот и направились к деревне. Наверно, они занимались революционной пропагандой.

«Повсюду раздаются призывы к революции», — думал я о словах, сказанных графиней. — «Волны революции, разлившиеся по всей России, захлестнули и Ясную Поляну. Вот как далеко дело дошло, если уж графиня высказывает такие опасения, хотя бы и в шутку. Я размышлял о разногласиях во взглядах Толстого и его семьи и соглашался с Львом Николаевичем. Поднявшийся революционный шквал не случаен. Я невольно стал молиться: «Боже мой! Помоги русскому народу, сохрани семью Толстого!»

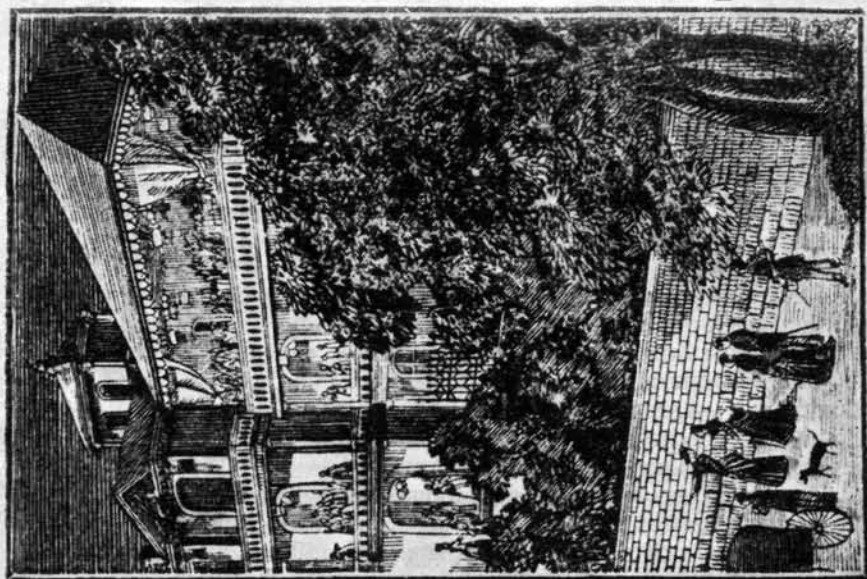
РАДИКАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

2 июля

Вчера мы долго беседовали с Толстым, а сегодня я с доктором намеревался пойти посмотреть деревню. Но утром Мария сообщила: доктор накануне получил телеграмму, что его отец тяжело болен, и неожиданно уехал. Затем она продолжала:

— Сегодня в газете «Новое время» резкие нападки на отца из-за того, что в интервью корреспонденту он сказал, что Думе не следует доверять, и высказал свое давнее убеждение о необходимости провести радикальную революцию мирными средствами. В газете ужасно возмущаются тем, что такой человек, как мой отец, который пользуется большим влиянием, высказывает свое разочарование и не приветствует Думу ⁴⁴.

Я ушел к себе во флигель и принялся просматривать копию ответа Толстого на мое письмо ⁴⁵. Толстой принимает всех, кто бы к нему ни приезжал, всегда всем отвечает на письма ⁴⁶. Письмо ко мне скопировано на mimeографе. Копии делают секретарем Юлией; Толстой ставит свою подпись, и письмо отправляют. Письма приходят ежедневно, и ответы, начиная с января, уже составили целый том. Это письма во все концы света. Хотя я мог читать только по-английски, все равно было очень интересно.

«ЛЮЦЕРН». ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ ЯПОНСКОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО, 1886

Гравюра

В письме ко мне заключалась только просьба изложить мои взгляды на жизнь, но были там такие слова:

«Вы говорите в своем письме о русской революции и о предстоящих в Японии реформах. Я думаю, что лишь одна революция и одна реформа неминуемы во всем мире: это не только разрушение всех великих государств, но и вообще всякого государства, освобождение людей от подчинения человеческой власти».

ДЕМОН В ДУШЕ

После обеда Толстой вошел раздосадованный, держа в руке хлыст.

— Сегодня не придется работать, как я хотел, поэтому поеду сейчас верхом купаться. Спросите дорогу у домашних и приходите к четырем часам.

Я вышел из флигеля.

Шагах в ста на юг от флигеля находится еще один большой двухэтажный дом с белыми стенами и зеленой крышей. Теперь в нем жила семья Льва-сына. Это, по-видимому, был тот самый дом, который я старался разглядеть из окна вагона в день приезда. За домом — открытое поле. Рядом у подножия холма — конюшня. Несколько мужчин, пожилых и молодых, готовили для Толстого к выезду верховую лошадь. Прямо, напротив, виднелась бедная деревушка — Ясная Поляна.

— Вы, наверное, знаете взгляды нашей семьи? — спросил Толстой, и лицо его помрачнело. Я давно знал, что он хочет поделить землю между крестьянами, но жена и дети против этого. Толстой не управляет имением и живет в этом доме как старый, пользующийся почетом нахлебник.

— Если я истинный христианин, значит я не должен иметь собственности. В последнее время я не получаю никакого дохода за свои произведения, но у меня есть несколько пьес, и за их исполнение театры присылают деньги. Мне говорят, что если я их не возьму, то их истратят на балет. Кроме того, мне до сих пор друзья с разных концов страны присылают деньги для бедных.

Таким образом я узнал источники дохода Толстого. Толстой, полуобъясняя, полуправдываясь, продолжал:

— Меня часто осуждают за то, что моя жизнь не соответствует моим убеждениям. Но пусть осуждают, я должен это переносить как христианин...

Небо над деревней прояснилось, в разрывах темных туч показалась голубизна. Края туч отливали серебром, а стволы берез — бело-розовым блеском.

Взглянув на это, Толстой прошептал: «Ах, как красиво!»

Оседлав крупную, хорошо упитанную гнедую лошадь, конюх вывел ее, но она не давалась. Тогда один из конюхов легко вскочил в седло, проехал два-три круга, слез и предложил ее Толстому. Он вставил ногу в стремя, легко вскочил в седло и поехал по зеленой тропинке, помахивая хлыстом.

Позавчера Толстой купался, сейчас ехал верхом. Как радостно видеть его здоровым и бодрым, хотя сам он и говорит, что близок к смерти. Этот бунт, недоверие, гнев, чувствовавшиеся в его словах, набегали черной тенью и омрачили его душу. Как? Неужели Толстой может так роптать и жаловаться? А может быть, оправдываясь, он лукавит? Может быть, его опрощение — только прихоть аристократа? Да, он — Толстой, и в то же время — сын человеческий, привыкший мириться с противоречиями... Но вдруг, набегая, как черные гроззовые облака, его душу омрачают чувства недоверия, бунта, недовольства и неудержимым потоком прорываются

наружу. У человека с такой сильной индивидуальностью поневоле много странностей. От человека трудно ждать совершенства, но все же не слишком ли актерски он позирует? Не следует ли мне быть настороже, чтоб не оказаться простачком? Нет, так думать жестоко. Мне, пришельцу из чужой страны, он, как другу, открыл свои сомнения и страдания. Да, это так, — решил я, но все же мне стало грустно.

Возле конюшни было в беспорядке разбросано сено, чуть подальше находился сарай для удобрений. Здесь стояли в ряд лошади разных мастей — верховые и для полевых работ, очень крупные, какие встречаются только в России. Неподалеку находился глубокий колодец, оттуда старуха доставала бадьей воду. Это была обыкновенная бадья. Колодезное колесо, приводимое в движение руками, медленно вращалось. Вода была не очень грязная, но и не совсем чистая. Эту воду ежедневно возят в бочках на кухню. В эту минуту Александра, как ураган, промчалась на велосипеде. Я подумал, что она, наверное, часто ломает велосипед.

ВОДЫ ВОРОНКИ

Итак, я иду купаться. Дорогу спрашивать мне уже не надо. Захватив зонтик, так как небо хмурилось, я вышел из ворот, спустился с холма от деревни Ясная Поляна и направился по дороге, которая сначала шла под уклон, а потом стала подниматься. Дождь побрызгал немного и перестал, ослепительно сверкало солнце. Бурые и черные коровы паслись на ярко-зеленой траве. С трудом припоминал я те места, где мы купались в прошлый раз. Вот я прошел место, где Толстой вынул кошелек, а вот и то, где он объяснил мне, что эти груды камней не могилы, а межевые знаки на краю деревни. Затем я вышел на дорогу возле березовой рощи и поднялся на холм. Пейзаж напомнил мне «Записки охотника». Я спустился с холма и попал на шоссе. Это было Московское шоссе, на котором мы с Толстым видели стариков, дробивших камни. Шоссе перекрещивалось с проселочной дорогой, ведущей к станции Засека. Стоя на этом перекрестке, я размышлял об отношении Толстого к современным политическим событиям в России. Мне представилось, как революционная партия через муки и кровь добывается свободы, другая — умеренная, сторонница постепенных реформ, старается установить конституцию. Толстой среди них почти одинок, он против всякой власти, против половинчатых реформ, он стоит за полную радикальную революцию, но мирными средствами. И то достойно уважения и это нельзя считать неразумным, но где же правильный путь?

Мучительно размышляя, я незаметно для себя вышел на шоссе Москва — Тула. Я направился по еле заметной меже, тянувшейся по середине поля, — она запомнилась мне с предыдущего раза — и вышел к заводу реки Воронки, где под мелко накрапывающим дождем ребята удили рыбу. Пройдя мимо купальни, я подошел к тому месту, откуда мы с Толстым прошлый раз ушли, так как там было слишком много народу. Сегодня здесь купались всего два человека. Я взглянул на часы — уже наступило условленное время, но Толстого не было видно. Тогда я один выкупался в реке, поверхность которой была покрыта мелкой рябью, затем вылез из воды и стал поджидать Толстого. Он все не приходил, дождь усилился. На берегу стоял покрытый травой шалаш. Жестами попросил я у оказавшегося поблизости крестьянина разрешения войти внутрь и, войдя, лег на землю. Дождь с пелестом падал на крышу шалаша, покрытого пахучей травой, и под его шум я заснул.

Проснувшись, я вышел наружу. Прошло около часа, дождь кончился. Так как Толстого все еще не было, я решил пойти домой по мокрой от дождя траве, пестревшей полевыми цветами.

На вершине холма я услышал, как кто-то сидевший в повозке окликнул меня. Это была Александра, приехавшая по поручению отца разыскивать меня. Оказывается, он назначил встречу в другом месте, а я ошибочно подумал, что мы встретимся на прежнем.

Я попросил Александру быть за кучера, так как она умела править лошастью. Мы повернули к дому. Из рассказа Александры я узнал, что Толстой четыре года назад тяжело болел воспалением легких, ездил в Крым и с тех пор выглядит более слабым, чем прежде. Александра совсем недавно вернулась из путешествия по Западной Европе.

— Швейцария мне не понравилась, — сказала она. — Там при входе в парк или в лес нужно платить пять франков. Возвратившись в Россию, я почувствовала себя свободно. Здесь куда ни пойдешь — кругом простор, никто не мешает, не запрещает. По сравнению со Швейцарией, Италия лучше. Итальянцы — очень веселый народ, поют песни. Когда я иногда спрашивала дорогу, мне всегда очень вежливо и любезно объясняли.

ДЕРЕВНЯ ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Во время ужина за столом сидела лет семидесяти женщина в очках и с маленькими золотыми часами, висевшими, как медаль, на груди. Это была мать князя Оболенского. Во время ужина полил сильный дождь, все вскочили и, под защитой зонтиков, захватив тарелки, мокрые, как мыши, перебежали на веранду. Стоял веселый смех. Открытая с трех сторон веранда находится с южной стороны дома; туда можно пройти по ступенькам прямо из сада. Она обита плющом, благодаря чему здесь всегда стоят тень и прохлада. Летом в дождливые дни семья здесь обедает, а по вечерам здесь сидят и беседуют за чашкой чая.

К концу ужина пришла глубокая старуха, по виду лет девяноста, поздоровалась со всеми и вскоре ушла. Графиня объяснила мне, что это няня. Я вспомнил старую няню Наталью Савишну из трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность», а также няню из «Анны Карениной» — ту, которая всегда бранилась с молодой хозяйкой, и понял, как правдиво русские писатели изображали жизнь. Здесь я часто вижу живые картины жизни, напоминающие те, которые Толстой описывал в своих произведениях.

Неожиданно вошел внушительного вида молодой господин лет двадцати семи — двадцати восемью, подпоясанный черным поясом. Толстой с удивлением, как будто они встретились после долгой разлуки, пожал ему руку, затем представил мне. Я узнал, что это Виктор Лебрен. Еще в юности он стал единомышленником Толстого. Затем он окончил Московский университет; в настоящее время живет с матерью жизнью крестьянина на берегу Черного моря в окрестностях Батума, недалеко от Армении. К сожалению, мы не смогли говорить с ним по-английски.

Дождь прошел, но летний день еще не кончился. Мы с Лебреном отправились осматривать деревню Ясная Поляна. На дрожках мы объехали всю деревню: в ней семьдесят дворов. Они стоят в ряд по обеим сторонам дороги, ширина которой около двадцати кэн. Издавна здесь жили крепостные Толстых, потом они получили свободу и завели хозяйство каждый отдельным двором. Но они по-прежнему бедняки.

На краю деревни стояла школа, закрытая на время летних каникул. Когда-то Толстой сам преподавал в ней, а сейчас управление ею перешло к земству. Почти все дома в деревне бревенчатые, покрытые соломой или дражкой, и только несколько кирпичных. В каждом одно-два стеклянных оконца. Маленькие, темные домишки ничем не отличались от грязного хлева. Мы вошли в один из них. В избе был полумрак, мы осмотрели ее при помощи свечи. Старый пол чуть не проваливался под ногами. Одну стену занимала печка, в углу — груда ветхой одежды. У входа какое-то

подобие кухни. В избе площадью не более десяти татами живет семья из десяти человек. Можно себе представить, что там творится в плохую погоду! Двор завален навозом, сено беспорядочной кучей лежит в сарайчике, в крытом соломой хлеву — домашний скот. Тут же на дворе валяются сельскохозяйственные орудия и стоит телега.

Затем мы пошли осматривать дом Тараса, первого деревенского богача. Кирпичный, небольшой, но красивый дом находится в центре деревни в одном ряду с другими домишками. Перед иконой на стене ярко светит лампада, в углу — ткацкий станок, но дом все же состоит из одной просто убранной комнаты.

Хозяин с гордостью показывал нам образцовый скотный двор, сад, где росло несколько десятков яблонь, под ними стояло несколько пчелиных ульев.

Увидев деревню Ясная Поляна, я понял, как должен был страдать Толстой от того, что семья не позволяет ему разделить землю между крестьянами, как он этого хочет. В русской деревне, в общем, все живут почти одинаково. После реформы большинство крестьян получило недостаточные наделы земли. По рассказу Андрея, крупные землевладельцы в России, такие, как граф Строганов, князья Юсуповы, Голицыны и другие, владеют огромными имениями размером в миллион сорок тысяч — миллион триста тысяч тё земли. Весьма сомнительно, чтоб эта аристократия, духовенство или царская семья стали разрешать крестьянский вопрос в пользу народа.

Возвратившись домой, мы прошли на веранду, где снова собралась семья. Хозяйка занималась питьем, мать князя Оболенского и жена Льва вязали, а Лев, Андрей и Александра пели песни под аккомпанемент балалайки и мандолины.

Тихо вошел Толстой. У него было лицо тэнгу ⁴⁷, только с коротким носом. Маленькие глаза светились радостью, он постукивал каблуками в такт песни. Мы с Лебренем ушли во флигель. Жестами я объяснил ему, чтобы он, не стесняясь, располагался на софе. Сам я лег на кровать.

СОБЫТИЯ ОДНОГО ДНЯ

3 июля

Четвертый день живу я в этом доме. Жизнь здесь мне нравится. Вот один из летних дней в Ясной Поляне.

Несмотря на то, что в России летом светает рано, в доме Толстого спят до семи часов. Раньше всех встают дети — ежедневно рано утром они ходят на станцию Засека за почтой. На столе под кленом стоит самовар, чашки, горшок со сливками, хлеб и тарелки, прикрытые от мух салфеткой.

Во время завтрака каждый приходит, когда захочет, и уходит по своему усмотрению. Толстой с графиней к завтраку приходят редко. До полудня обычно Толстой занят важными делами.

Второй завтрак в двенадцать часов. В саду на суке огромного вяза висит небольшой колокол. Как только он прозвучит, с разных концов собираются члены семьи. Лев Николаевич приходит не всегда, но хозяйка обязательно. Мужчины здороваются за руку, женщины целуются. Даже во время второго завтрака никто не прислуживает — все чувствуют себя совершенно свободно.

Время после завтрака используется для прогулок: кто садится на лошадь, кто на велосипед, одни идут купаться, другие — прогуливаются, сопровождаемые собаками.

Толстого по ночам мучает старческая бессонница; в ночь он просыпается по пять-шесть раз. Поэтому после второго завтрака, вернувшись с

КНИГА ТОКУТОМИ РОКА
«ЗАПИСКИ ПАЛОМНИКА»
(ТОКИО, 1906), ПРИСЛАН-
НАЯ ИМ ТОЛСТОМУ
В ЯНВАРЕ 1907 г.

Титульный лист

Внизу пометы В. Ф. Булга-
кова (заглавие книги)
и Д. П. Маковицкого

Личная библиотека Толсто-
го. Музей-усадьба «Ясная
Поляна»

順

禮

紀

行

徳
富
健
次
郎
著

Токутоми, Кендзиро.
Описание паломниче-
ства в Палестину.
Токио. 1906. *публ. по-
скольку дней
и много лет
говоря с Л. Н.*

прогулки, он обычно час спит. Старый князь Болконский говорил, что сон перед обедом — золотой.

Колокол на обед звучит в пять или шесть часов. К столу собирается вся семья. Слуги прислуживают за столом во фраках. Обычно к обеду подается небольшая закуска. Лев Николаевич и остальные мужчины одеты просто, женщины к обеду тоже не переодеваются.

После обеда одни идут гулять, другие — играть в теннис.

Как только зажигаются огни, звуки колокола зовут к вечернему чаю. Собираются обычно на веранде. Подается чай, сладости, вишня, малина. Женщины приходят, захватив какое-нибудь рукоделие, мужчины — книги. Все непринужденно беседуют. Иногда беседа за чашкой чая затягивается до десяти часов, а иногда и позже. Так проводят время и при гостях, и без гостей. Пришедшим не отказывают в приеме, не задерживают и тех, кто захочет уйти: жизнь подобна течению воды или дуновению ветра. Всюду непринужденность, радушие и искренность. Отношение к гостям, к слугам, к деревенским жителям, друг к другу — естественное, без притворства и принуждения, любезное и сердечное.

— Как видите, мы живем просто, — сказала графиня.

— Можно только позавидовать такой жизни, — ответил я.

— Однако есть одно «но», — произнесла Мария.

— Никакого «но», — воскликнул я, — завидую жизни простой и естественной.

К гостям Толстого здесь тоже относятся непринужденно и без заискивания. Хозяйка, взглянув на мои очки, спросила:

— Почему вы носите очки? Вы близоруки? Я тоже близорукая. Дайте, пожалуйста, посмотреть. Я в них хорошо вижу.

В другой раз, наклонившись, она отогнула полу моего аваса⁴⁸.

— А вы все-таки носите нижнее белье?

Однажды я надел европейский костюм. Толстой сразу же заметил это и спросил:

— А почему вы не в кимоно?

Марию он называет «Ма», Андрея — Андрюшей, Александру — Сашей.

Андрей — самый жизнерадостный, любит пошутить.

— В Японии есть такие толстушки? — шутливо спросил он, похлопав Александру по спине.

— Современные девушки в Японии занимаются гимнастикой, потому они обычно выше ростом, чем их матери.

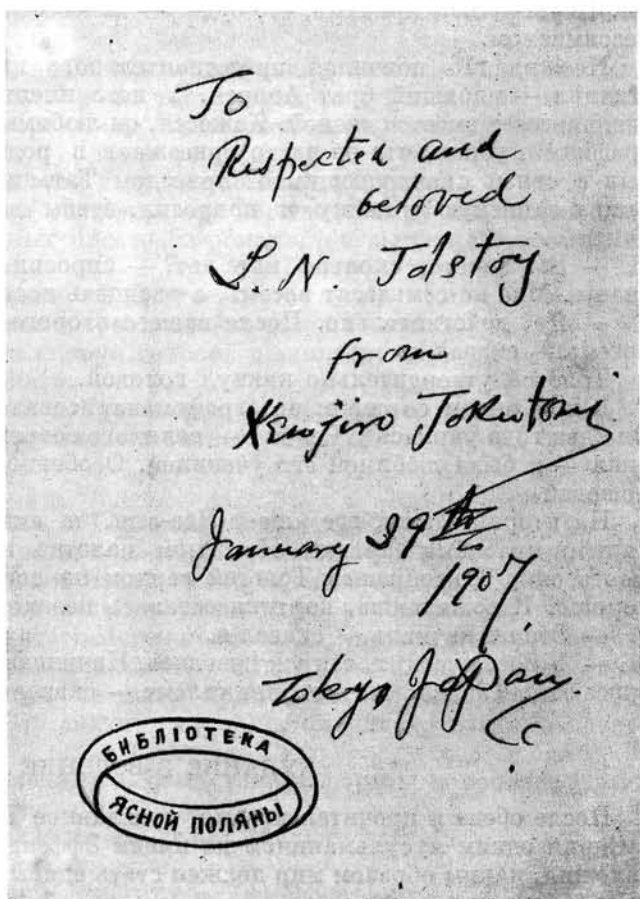
Беседа коснулась ревности.

— Правда ли, что в Японии считается невежливым, если молодой человек смотрит женщине в лицо? — спросил Андрей.

— Нет, смотреть не запрещается. Но невежливо смотреть очень пристально.

Андрей показал на жену Льва-сына и в шутку произнес:

— Друг мой! Даже случайно не смотрите на нее. Лев ужасно ревнив...

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ТОКУТОМИ РОКА НА
КНИГЕ «ЗАПИСКИ ПА-
ЛОМНИКА» (ТОКИО, 1906):

«Уважаемому и любимому
Л. Н. Толстому от Кэндзи-
ро Токутоми. 29 января 1907 г.
Токио, Япония»

Надпись сделана
на английском языке

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная
Поляна»

Затем, многозначительно указав на мать:

— И на мать тоже, отец будет сердиться.

Заговорили о красоте.

— Кого из присутствующих вы считаете всех красивей? — спросил меня Лев.

— Красота бывает разная. Бывает красивое лицо, красивая фигура. Нужно, чтоб в человеке все сочеталось. Если брать одну какую-нибудь черту красоты, то из мужчин самый красивый — Андрей, а из женщин — няня.

Все засмеялись.

АВТОГРАФЫ

Сегодня Лебрен собрался уезжать. За столом под кленом, когда я туда пришел, сидел веселый господин лет пятидесяти. Это был Сухотин, приехавший прошлой ночью, муж Татьяны — старшей дочери Толстого. Сухотин — член Думы, но он сумел выбрать два-три дня для личных дел и заехал в Ясную Поляну. Он был другом детства Татьяны — своей будущей жены.

Я стал расспрашивать о положении дел в Думе, а Льва попросил быть переводчиком.

Сухотин принадлежал к крайне правой консервативной партии ⁴⁹. По его словам, депутаты от крестьян в Думе отстаивают свои требования, представители Польши добиваются независимости, группа радикалов требует установления республики. Каждая группа защищает свои интересы. Перспективы мрачные, что будет — неизвестно. От его рассказа веяло пессимизмом.

Неожиданно появился представительного вида господин. Это был Михаил — младший брат Андрея. У него имение в соседней губернии, где он живет вместе с женой. Кажется, он любимый сын Толстого. Из слов графини я узнал, что он часто приезжает в родной дом, а сейчас прибыл в связи с ожидающимся приездом Татьяны. За завтраком я вытащил записную книжку и попросил, чтобы все расписались мне на память.

— Вы знаете, сколько мне лет? — спросил Толстой. — Нет, вы не знаете. Мне не семьдесят восемь, а двадцать восемь лет...

— Да, действительно. После вашего второго рождения вам двадцать восемь, — сказал я.

Толстой утвердительно кивнул головой.

Юлия рядом со своим автографом нарисовала пером голову лошади. Она два года училась у Репина — великого современного русского художника — и была любимой его ученицей. Особенно любила Юлия рисовать лошадей.

На втором этаже, где живет Лев-сын, я видел написанные ею масляными красками картины. На одном полотне величиною в четыре на шесть сяку ⁵⁰ изображен Толстой верхом на лошади. Нарисовано очень хорошо. К сожалению, картина осталась незаконченной.

— Это очень жаль, — сказал я.

— У нас, русских, так уж повелось. Начинают работу и, не закончив, бросают... Так иногда и гибнет талант, — сказала Мария.

КУПАНИЕ В ВОРОНКЕ

После обеда я прочитал письмо, присланное Толстому из города Акка в Сирии одним мусульманином по имени Эффенди ⁵¹. В семи пунктах он изложил, каким образом мир должен стать единым.

Сегодня в четыре часа графиня, жена Льва-сына и мать Оболенского поехали на Воронку купаться. Толстой обещал присоединиться к ним позднее. Взяли и меня. Мы сели в экипаж, который называют «катки»; по бокам у него прибиты защищающие от грязи доски. Экипаж проехал мимо дома, где жил Лев, выехал на то место, где позавчера сгребали траву в копны, и въехали в лес рядом со ржаным полем. Дорога в лесу была ровная. Вскоре лес кончился, и мы выехали на открытое место, откуда виднелись река и поля. От дома это совсем недалеко: пешком идти менее двадцати минут. Это было то место в верхнем течении Воронки, где мы купались в прошлый раз и где на берегу стоит небольшая купальня.

Вдруг я услышал, что кто-то зовет меня по имени, глядя на меня сквозь щель в стене. Это был Толстой, он тоже пришел купаться. Старец поздоровался с женщинами, вошел в купальню, быстро разделся и нырнул в воду. В женской половине купальни был устроен настил, от которого в одном шагу была чистая, глубокая и довольно теплая вода. Река, шириной не более пяти сажен, медленно текла, извиваясь между холмами. На берегу росли небольшие ивы, у самой воды цвели белые кувшинки, в воде плавали какие-то рыбы, мне показалось, караси. Я с удовольствием поплавал. Когда я вышел на берег, Толстой уже одевался.

Старик очень много работает. Вот и сегодня при нем были серебряные часы на короткой металлической цепочке и записная книжка с вложенным в нее карандашом. Эти две вещи и кошелек он всегда носит с собой.

— Читали вы письмо Эффенди? — спросил он меня.

— Читал. Нужно радоваться, что повсюду люди пробуждаются...

— Да, это очень радостно, очень радостно, — кивнул он с довольным выражением лица.

Я поздоровался с ожидавшей нас графиней и вслед за Толстым пошел в рощу, свернув с дороги. В роще росли молодые дубки и березы. Блики солнца и тени падали попеременно, яркая июльская листва бросала зеленый отсвет на одежды.

— Я люблю гулять в этом лесу, — промолвил Толстой.

Через некоторое время разговор наш перешел на русских писателей.

— Кого из современных писателей-романистов вы больше всех цените? — спросил я.

— Достоевского. Читали вы Достоевского?

— Да, читал его роман «Преступление и наказание».

Толстой одобрительно кивнул головой и заметил:

— Очень хорошая книга.

— А как вы относитесь к Тургеневу? — спросил я.

— Тургенев пишет красиво, но он неглубок.

— А Гончаров?

— Этот тоже.

— А как вы относитесь к Горькому, Мережковскому, Чехову?

— У Горького талант есть, но нет образования, а у Мережковского есть знания, но нет таланта. А вот Чехов — это большой талант. У всех троих, к несчастью, нет проникновенного взгляда на человеческую жизнь, — и затем добавил: — Чем читать Мережковского, лучше почитайте Аксакова и Хомякова. Это крупные писатели — русофилы. Но, по Аксакову, будущность России основывается на трех принципах — самодержавии, православии и народности. Это значит уже слишком далеко зайти в патриотизме.

Тема разговора переменилась. Мы стали говорить о произведениях Толстого.

— Какое свое произведение вы любите больше всего?

Подумав, Толстой ответил:

— Роман «Война и мир».

— Это, наверное, потому, что в основу взята подлинная история России?

— Конечно. И все-таки там есть слишком уж патристичные места.

Мы уже вышли из рощицы, прошли лес и вышли на тропинку, ведущую к дому, когда наша беседа переключилась на европейских писателей. Толстой неожиданно остановился и заговорил.

— Вы тоже писатель. Послушайте мои слова. Не говорите того, о чем вы можете не сказать. — Он взял палку, начертил на земле круг, провел по направлению к кругу две-три лучеобразные линии и продолжал: — В каждой истине можно найти точку. Вы посмотрите на человека с одной стороны, затем с другой. Если у вас есть наблюдения, еще не открытые никем, если есть своя точка зрения — хорошо, если нет — тогда лучше молчите. Иначе, что бы вы ни говорили, о чем бы вы ни писали — будете ростом с самого себя. — И Толстой руками изобразил карлика. — Свет, может быть, и будет вас хвалить, но истине это не принесет никакой пользы. Говоря так, — добавил он, — я имею в виду самого себя. Меня хвалили за мои старые произведения, но теперь я вижу, что это только клочки бумажки. Я верю, что мои теперешние религиозные, философские и общественные труды не совсем бесполезны.

Мы уже подошли к флигелю, и на этом драгоценный для меня разговор закончился.

ТАЛАНТЛИВАЯ ЖЕНА ТОЛСТОГО

Михаила звали к ужину, но он уже уехал. После ужина старшие разошлись. Когда зашла речь о картинах Юлии, Андрей сказал, что его мать тоже пишет картины. Он пошел в дом и принес картину, на которой масляными красками были нарисованы грибы.

— Вот как рисует моя мать, хотя она нигде не училась, — пояснил Андрей.

Я взглянул на картину — для любителя она была написана очень хорошо.

Вскоре пришла графиня. Она откровенно обрадовалась, услышав искреннюю похвалу.

— Пойдемте, я покажу вам кое-что, — и повела меня на второй этаж. Здесь в зале стоял рояль, на стенах висело несколько портретов, написанных кистью великих русских художников — Ге, Репина и Крамского, а также портрет графини с маленькой дочерью Татьяной на руках.

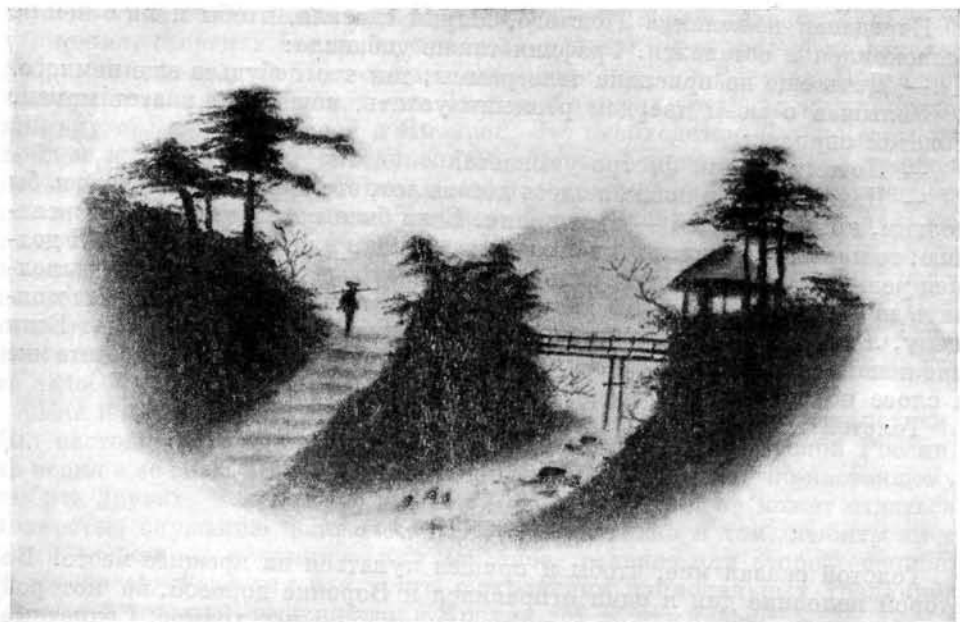
Затем хозяйка повела меня в кабинет Толстого. Здесь она показала мне свою копию с портрета Толстого, написанного Крамским, когда Толстому было пятьдесят лет. При сравнении с оригиналом было видно, что копия выполнена неплохо. После этого мы вошли в комнату Толстого площадью в десять татами, находившуюся рядом со спальней. На стенах висели небольшие, написанные графиней картины — летние и зимние пейзажи Ясной Поляны. Они были выполнены вполне профессионально, и в то же время им недоставало мастерства. Здесь же висел портрет Толстого того времени, когда он был офицером-артиллеристом, а рядом большой акварельный портрет красивого мальчика лет десяти. Это недавно умерший последний сын Толстого⁵².

«Должно быть, у родителей сердце кровью обливается при воспоминании о таком замечательном ребенке», — подумал я.

На столе в тарелке, наполненной водой, лежали напечатанные фотографии.

Графиня взяла какую-то рукопись и пояснила:

— Это наброски моей автобиографии.

ОТКРЫТКА С НОВОГОДНИМ ПОЗДРАВЛЕНИЕМ, ПРИСЛАННАЯ ТОКУТОМИ РОКА
ТОЛСТОМУ, декабрь 1903 г.

Архив Толстого, Москва

Затем, показав пальцем на большой ящик, стоявший в углу комнаты:

— Здесь хранится переписка мужа, его записные книжки и дневники. Теперь такое время, мы не знаем, что может случиться с ними, поэтому большая часть уже отправлена в музей в Москву, и с остальными мы намерены сделать то же.

Хозяйка показала мне комнаты на втором этаже с западной стороны.

— Это комната Александры, а это — Юлии.

В комнате Юлии стояла пишущая машинка.

Радужие и любезность графини поразили меня, но еще больше поразила меня ее откровенность.

Вечером на веранде при свете лампы Толстой читал отрывок из своего произведения «Правительство и народ»⁵³ по тексту, отпечатанному на машинке. Читал без очков, низкий голос его нисколько не казался усталым. Очень радостно, что Толстой хоть и стар, но еще крепок, как дуб. Из этого чтения по-русски я понял только одно слово «Япония».

Под конец чтения мне захотелось спать, и я потихоньку вышел.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

4 июля

Сегодня Сухотины — отец и сын — уехали. Я тоже собрался завтра уезжать. Послезавтра свадьба старшего сына, так что оставаться здесь мне больше неудобно. В первое время по приезде я подумывал о том, чтобы снять комнату в деревне Ясная Поляна и, если позволят обстоятельства, прожить, по крайней мере, все лето. Но теперь это уже лишнее: увидеть Толстого, обменяться с ним хотя бы одним словом — этого уже достаточно. «У каждого человека своя дорога к небу», мой путь теперь лежит в родной край.

Передавая пожелание Толстого, Мария сказала, чтобы я ни о чем не беспокоился и оставался. Графиня также добавила:

— Дочь еще не прислала телеграммы, так что побудьте еще немного.

Услышав о моем твердом решении уехать, вошедший в этот момент Толстой спросил:

— Почему вы так быстро уезжаете?

— Даже если б я прожил здесь десять лет, это время не показалось бы долгим, но и пять дней — это немало. Если бы я последовал своему желанию, то навсегда остался бы в этом доме. Однако я не могу не ехать. Я должен решить свои задачи и приложить к этому все силы. Я должен выполнить до конца свой долг. До сих пор я только мечтал, но не жил по-настоящему, а теперь, возвратившись домой, я начну деятельную жизнь. Если мне понадобится ваше наставление, я напишу вам письмо. Не откажите мне в слове поучения.

Толстой промолчал, ничего не сказав в ответ.

КУПАНИЕ В ВОРОНКЕ

(Четвертый раз)

Толстой сказал мне, чтобы я пришел купаться на прежнее место. Во второй половине дня я один отправился к Воронке дорогой, по которой шел вчера. Она бежит среди рощи между живописных холмов. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь сеть листвы, падают золотыми пятнами на землю. Идешь среди молодой поросли в зеленой тени. Сегодня в последний раз я увижу Толстого, который, гуляя в этом лесу, говорит с богом и размышляет о человеке. Завтра мне придется с ним расстаться, нас разделят моря и горы, и он останется только в воспоминании. При этой мысли каждый шаг, приближавший к этому мгновению, вызывал во мне щемящее чувство утраты.

Когда я пришел к реке, Толстой уже был там. В последний раз я поплавал, несколько раз нырнул, ополоснулся водой, нарвал белых кувшинок и вышел из воды. Когда Толстой куда-то отошел, я написал карандашом на бревнах сторожки следующие строки:

Прощай навеки, Воронка!
Не забуду тебя никогда.
Ты была моим новым Иорданом,
О благословенная Воронка!

Пришли купаться Лев, Андрей и жена Толстого. Они поздоровались и подошли к Толстому. Он с огорченным видом стоял в густой траве.

— Недавно я гулял в яблоневом саду и потерял пояс, — сказал он виновато.

Мое сердце сжалось. Как это грустно! Все-таки он очень стар. Такой великий человек — и он уже постарел! Вчера мы с ним гуляли в этом лесу. Он сказал:

— В прошлом году я видел японских военнопленных. У них добрые лица, однако жаль, что японцы не выполнили с присущим им упорством свою миссию и пошли по пути американской, поверхностной, уже разлагающейся цивилизации. Вдумайтесь получше. И у России, и у Японии, у всех восточных народов (Толстой не причисляет Россию к Западу) есть своя миссия, свое предназначение. Эта миссия заключается в том, чтобы люди обрели настоящую жизнь. Надо познать, в чем смысл человеческого существования. Западные государства гордятся так называемой цивилизацией, которая достигается с помощью машин, но она, в действительности, ничего не стоит. Народы Востока не пойдут по пути Запада, они должны

сами построить себе новый мир. Народы Востока, освободившись от всякого угнетения, свергнув все правительства, должны жить только по законам добра. Такова должна быть общая цель жизни народов Востока. Позавчера вы спрашивали о предназначении Японии и о путях установления длительной дружбы между Россией и Японией. Это необходимо. Только если мы пойдем к одной цели, объединенные единым стремлением, мы сможем достичь этой цели. Но для этого самое необходимое условие: крестьянская жизнь в полном смысле слова. Тот, кто обрабатывает землю, кто в поте лица добывает свой хлеб, тот не нуждается в поддержке земной власти. Хотя в Англии живет немало моих друзей, но я вижу, как отвратительно поведение Англии по отношению к так называемым «варварским» странам. Нет, единственное допустимое покорение — это покорение земли мотыгой. Сила России не в оружии, а в крестьянской мотыге. Вот почему, несмотря на все ее недостатки, я люблю Россию и верю в нее...

Как и можно было ожидать, этот человек, который отрицал патриотизм, был настоящим патриотом. Он ненавидел преступления царской России, но верил в ее силу. Человек, не верящий в себя, не может по-настоящему любить других. Человек, не любящий свое отечество, не может отдаться полностью служению человечеству. Разница только в том, любить ли в своей родине ее подлинное или показное, главное или второстепенное. Я рассказал Толстому о лозунге «сохранения национальных традиций» («кокусуй ходзон»), выдвинутом в Японии лет десять назад⁵⁴.

— Япония, — сказал я, — страна молодая, но верит в себя. Я верю, что у нее найдется достаточно скромности, чтобы учиться у других народов полезному, не подражая всему без разбора, и мужества, чтобы идти вперед к добру.

Не переставая разговаривать, мы подошли к проволочной изгороди около дома Льва (впрочем, это была изгородь лишь по названию). У входа стояла босоногая старуха, повязанная старым синим платком. В руках она держала горшок с отбитым краем, наполненный лесной малиной. Толстой остановился и заговорил с ней. Она вдруг в голос заплакала. Я подумал, что это все та же вдова учителя, и, когда она ушла, спросил, кто она.

— Нет, это не жена учителя. Ее муж был вором, а сейчас и сын тоже за кражу сидит в тюрьме, словно это какая-то наследственная болезнь у них в семье.

Разговор переменялся. Толстой стал расспрашивать о моих родителях. Особенно подробно расспрашивал меня о матери. Толстой лишился матери, когда ему было два года. Восьмидесятилетний старик тосковал по матери, которую не помнил. О, сколько грусти в сердце человеческом!

БАЛКОН И КАБИНЕТ

Солнце садилось. Каждая минута моего пребывания здесь была для меня драгоценна. Толстой выглядел очень усталым, и я подумал, что еще больше утомлю его своим посещением. Я уложил свои вещи и вышел. Из дома доносились звуки фортепьяно. Должно быть, дочь Александра играла отцу. Я долго ходил взад и вперед по двору; наконец вышел Толстой и пригласил меня на балкон. Там на стуле лежала раскрытая английская книга. Это была книга о Бирме. Мы стали говорить о переводах «Анны Карениной» и «Воскресения» на японский язык. Я рассказал Толстому о переводе на японский язык его произведений, написанных после его «второго рождения», начиная с «Моей веры»⁵⁵, затем я сообщил ему о возникшем в Японии движении «Самоотверженная любовь»⁵⁶. Толстой в свою очередь рассказывал о пробуждении персов, которые подвергаются гонениям, и расспрашивал меня о жизни христиан в Японии. Толстой счи-

тает, что пантеизм не должен быть отброшен. Он взял в руки русскую книгу.

— Эта книга составлена мною ⁵⁷. Здесь собраны золотые слова, которые нужно помнить постоянно. Каждому дню — свое поучение. Посмотрите! Здесь есть изречения из Евангелия, из Герберта Спенсера; кое-где я изложил и свои взгляды. Каждое утро я читаю это и молча обдумываю. Это как бы моя молитва. Послушайте! Ваш день рождения двадцать пятого октября? К сожалению, издана только первая часть этой книги, которая кончается тридцатым июня.

— Я приехал в ваш дом тридцатого июня, поэтому я хотел бы послушать, какое поучение относится к этому дню.

Толстой кивнул головой, полистал страницы и прочел некоторые записи:

«Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только на потребу».

Лк., гл. 10, ст. 41—42

«Когда бы люди захотели, вместо того, чтобы спасти мир, спасти себя; вместо того, чтобы освободить человечество, себя освободить — как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества!»

Герцен

«Чем больше люди будут верить в то, что они могут быть приведены чем-то внешним, действующим само собою, помимо их воли, к изменению и улучшению своей жизни, тем труднее совершится это изменение и улучшение» ⁵⁸.

— Последние слова — мои, — сказал Толстой и закрыл книгу. Для меня это был прекрасный прощальный подарок.

На балконе солнце уже померкло, и в кабинете было темно. Толстой спросил меня о моих планах на будущее. Затем, сказав, что он подготовит для меня рекомендательные письма, зажег небольшую зеленую лампу и сел писать. С разрешения хозяина я остался в кабинете. Я огляделся. В кабинете площадью в десять татами стояли два почерневших стола, из них один из красного дерева, два стула, в углу — обитая черной кожей софа. На стене небольшая книжная полка. Среди книг, лежащих в беспорядке на столе, виднеются буддийские сочинения и «Психология социализма». На стенах много портретов; на одной из них висит составленная из пяти отдельных частей картина «Сикстинская мадонна». Некрашенный пол... Сюда, в это уединение жена привезла ослабевшего после болезни Толстого, чтобы жить вместе на покое. Тихий, удобный кабинет!

Я взглянул в лицо Толстого при свете лампы. На макушке волосы поредели, пепельно-белые волосы, склоненный над столом лоб в глубоких морщинах, широкие густые брови насуслены. Тяжело переводя дыхание, он скрипел гусиным пером ⁵⁹. Подумать только, в будущем году ему исполнится восемьдесят лет ⁶⁰. С годами он, великий провидец, все больше стареет, а у него внутри пламя все разгорается. Мне захотелось, чтобы люди в почтении склонились перед ним, чтобы они, как и я, пролили слезы благоговения.

Толстой закончил писать рекомендательные письма для меня: одно — в Санкт-Петербург ⁶¹, два других — в Москву ⁶², и положил перо. Затем он взял в руку лампу, поднял выше и стал пояснять мне каждую из висящих на стене картин. Здесь висел портрет Генри Джорджа, портрет умершего несколько лет назад старшего брата Толстого ⁶³, портрет покойного Гаррисона — первого проповедника идей непротivления в США. Этот портрет был прислан Толстому сыном Гаррисона. Под портретом

висел написанный масляными красками портрет какого-то мужика с веселым выражением на лице. Я спросил Льва Николаевича о нем.

— Это мужик, который не прочел ни одной книги, но отличался глубиной мудрости. Зовут его... к вечеру память у меня ослабевает... не вспомню...

Вероятно, он был из крестьян типа Бондарева и Сютаева ⁶⁴.

— Вы, наверное, любите Рафаэля, раз повесили «Мадонну»?

— Нет. Это мне подарила моя старшая сестра. Она сейчас в монастыре ⁶⁵. На мой взгляд, это все неверно, — ответил Толстой и засмеялся.

Наш разговор от Рафаэля перешел на статью Толстого «Что такое искусство?»

— Вы, наверное, и сейчас придерживаетесь тех же взглядов?

— Да.

— Настоящее искусство должно вызывать к лучшим чувствам человека...

Толстой, не дав закончить, прервал мою фразу:

— Да, обычно так и понимают. — Он погасил лампу, и мы еще некоторое время сидели на балконе при вечерних сумерках.

Я от всей души поблагодарил Толстого за гостеприимство и извинился, что, не зная языка его родины, затруднял глупыми вопросами на ломаном английском языке. Пожав его руку, я сказал:

— Учитель, берегите себя. Вы как-то сказали, что смерть — избавление, но я прошу, не торопите час этого избавления. Вы сказали, что пока живы — будете работать до последнего мгновения, но, Учитель, берегите свое сердце. В Японии, которая была врагом России, в стране, люди которой проливали русскую кровь, появились люди, следующие вашему учению, и повсюду появятся еще больше таких людей. Вы осветили путь для всего мира. Позавчера вы сказали, что вам двадцать восемь лет, тогда такие, как я, всего лишь младенцы или еще только сейчас нарождаются. Жизнь развивается. Я буду молиться за ваше здоровье и благополучие, чтобы вы указали вашим учением дорогу к свету.

Толстой крепко пожал мне руку. Ответа его я не записал.

РАССТАВАНИЕ

Ужин, который запоздал из-за нашей беседы, проходил, как обычно, на веранде при свете лампы. Что подавалось на стол, какие велись разговоры, — ничего не помню. После ужина все сошлись поговорить за чашкой чая. Толстой выглядел очень усталым и собрался спать. Я сказал, что уеду рано утром, когда все будут спать, и еще раз тепло попрощался с ним. Он ушел. Я тоже собрался уходить. Попрощавшись с женой Толстого и с каждым членом семьи в отдельности, я вернулся во флигель. Наступила моя последняя ночь в Ясной Поляне.

ПРОЩАЙ, ЯСНАЯ ПОЛЯНА!

5 июля

Встав в четыре утра, я распрощался со слугой Ильей, сел в повозку и в пять часов выехал. В доме было тихо, все спали. Утро моего отъезда очень походило на мое первое утро в Ясной Поляне.

Повозка обогнула дом, спустилась с холма, осененного зеленой листвою, проехала через главные ворота и, повернув направо, стала подниматься на другой холм. Я оглянулся, — белая утренняя дымка окутала яснополянские лесистые холмы. Петухи кричали еще охрипшими от сна головами. Не успел я в этот ранний час, когда меня никто не видел, снять шляпу и поклониться Ясной Поляне, как повозка миновала перекресток,

где я накануне стоял, погруженный в свои мысли. Затем она повернула на север и быстро поехала к станции Засака.

Свет в кабинете Льва Толстого
Мне озарил весь мир...
Сияние огня в его окне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Японии страны Ближнего Востока считаются дальним Западом. Токутоми совершил путешествие в Палестину, а оттуда, через Константинополь — в Россию.

² Вероятно Токутоми говорит здесь о неосуществленном замысле большой книги о Толстом. Краткие критико-биографические очерки о Толстом были написаны им в 1890 и 1897 гг.

³ См. ниже письмо Токутоми к Толстому от 21 января 1906 г.

⁴ Роман «Нами-ко» вышел в свет в Японии в 1899 г. В 1903 г. он был издан в России (изд-вом «Прометей») под заглавием «Лучше не жить». Об английском переводе этой книги, посланном Толстому, см. в предисловии к настоящ. публикации.

⁵ Имеется в виду революция 1905 г.

⁶ Письмо от 22 мая 1906 г. сохранилось в архиве Толстого. Приводимый здесь текст несколько отличается от подлинника.

⁷ *Тё* — мера длины и площади: длины — 109,09 метра; площади — примерно, 1 гектар.

⁸ Старший брат Токутоми — Иициро *Токутоми* (псевдоним Сохо), известный историк, публицист и общественный деятель, глава популярного в Японии издательства «Друг народа», посетил Ясную Поляну 26 сентября 1896 г. Впоследствии он неоднократно писал Толстому (его письма хранятся в АТ).

⁹ *Фукаи* — японский журналист, сотрудник издательства «Друг народа», сопровождавший Иициро Токутоми в его поездке в Ясную Поляну.

¹⁰ Статья «О значении русской революции».

¹¹ В неопубликованных «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого сохранилось описание приезда Токутоми Рока в Ясную Поляну и запись рассказа Толстого о встрече с японским гостем. Приводим некоторые отрывки:

«30 июня

Утром приехал Кэндзио Токутоми. Лев Николаевич представил нас друг другу... Токутоми похож на японского микадо Мудухито и на <врача> Г. Н. Беркенгейма. Он низкого роста, широкобедрый, коротконогий. Голова на короткой шее наклонена вперед<...>

1 июля

Сегодня, когда Лев Николаевич сел под вязами, дожидаясь завтрака, я пошел за Токутоми. Он спал... Пока Токутоми не приходил, Лев Николаевич рассказал, как они утром, когда он гулял с ним, остановились около мужика, косившего траву. Токутоми не видел такой большой косы; показал, как у них косят маленькой косой, — вероятно, серпом (Лев Николаевич повторил перед нами его быстрые движения). Потом Лев Николаевич взял у мужика косу и покосил, за ним покосил и Токутоми, и хорошо. Удивительно, какой способный народ японцы!» (АТ).

¹² Книга Т. М. Бондарева «Торжество земледельца, или Трудолюбие и тунеладство», изданная в июне 1906 г. «Посредником» с предисловием Толстого.

¹³ *Татами* — соломенный мат размером около полутора квадратных метров. В Японии площадь помещений измеряется в татами.

¹⁴ Речь идет о втором браке С. Л. Толстого, женившегося на М. Н. Зубовой.

¹⁵ Юлия Ивановна *Игумнова* (1871—1940) — художница. С 1900 г. жила в доме Толстых в качестве переписчицы и секретаря.

¹⁶ *Четверокнижие* — вторая часть конфуцианского канона. В данном случае речь идет об издании «Четверокнижия» с комментариями Мэн-цзы (о котором см. ниже).

¹⁷ «Горная лижина» — сборник стихотворений знаменитого японского поэта Сайгё (1118—1190).

¹⁸ *Мэн-цзы* (372—289 до н. э.) — древнекитайский философ, последователь Конфуция. В «Круг чтения» Толстой включил ряд его изречений.

¹⁹ *Мо-цзы* (479—403 до н. э.) — выдающийся древнекитайский мыслитель. Толстой пристально изучал философию Мо-цзы и собирался написать о нем статью. В 1909 г. он редактировал брошюру П. А. Буланже об учении Мо-цзы.

²⁰ В ответ на письмо японского социалиста Исо Абэ, редактора газеты «Хэймин симбун» от 4 сентября 1904 г., Толстой в письме от 5 октября изложил свое учение о

нравственном самосовершенствовании как единственно правильном пути переустройства общества (т. 75, стр. 177—178). В письме содержалась критика социалистических учений с позиций толстовства.

²¹ Прямых свидетельств о чтении Толстым в этот период сочинений Бебеля не имеется (ср., однако, упоминание Толстого о Бебеле в мемуарах Ж. Бурдона, публикуемых в настоящ. томе). Позднее, в 1908 г., Толстой внимательно ознакомился со взглядами русских и немецких социалистов. См. об этом: А. И. Толстая и П. С. Попов. Толстой за чтением литературы по научному социализму. — Сб. «Лев Толстой. Материалы и публикации». Тула, 1958, стр. 136—149.

²² Такой книги у Толстого нет. Возможно, что здесь имеется в виду издание письма Толстого к А. Г. Розен (ноябрь 1894 г.), выпущенное в 1895 г. в Женеве М. Эллиным под заглавием «Письмо Л. Н. Толстого о разуме и религии».

²³ *Того Хэйхатиро* (1847—1934) — адмирал, командовавший японским флотом в бою при Цусиме.

²⁴ Токутоми подразумевает здесь отказ русских духовоборов от службы в царской армии, за что они подвергались жестоким репрессиям.

²⁵ Бывший учитель яснополянской школы Петр Васильевич Морозов (ум. в 1906 г.).

²⁶ *Кэн* — мера длины, равная 1,81 метра.

²⁷ См. воспроизведение этой фотографии на стр. 179 настоящ. тома.

²⁸ *Дзюбан* — нижнее кимоно.

²⁹ Ошибка: Андрей Львович был женат на Ольге Константиновне (1872—1951) — сестре жены Черткова.

³⁰ Этот замысел не был осуществлен.

³¹ Эрнст Вестерлунд (1839—1924) — доктор медицины.

³² *Танка* — традиционный жанр японской поэзии — стихотворение в тридцать один слог из пяти строк.

³³ *Мэйдзи* — годы правления императора Муцухито (1868—1911).

³⁴ *Хокку* — традиционный жанр японской поэзии — стихотворение в семнадцать слогов из трех строк.

³⁵ *Сун* — мера длины, равная 3,03 см.

³⁶ Речь идет о книге: Angelus Silesius. Cherubinischer Wandersmann. Eingeleitet von Wilhelm Bölsche. (Ангелус Силезиус. Херувимский странник. Подготовлено Вильгельмом Бёльше). Jena und Leipzig, 1905. Книга эта с многочисленными пометами и переводами Толстого сохранилась в яснополянской библиотеке (см. ниже). Ангелус Силезиус — псевдоним немецкого поэта-моралиста Иоганна Шефлера (1624—1677). Токутоми ошибочно называет его Буршем. Ряд изречений из «Херувимского странника» включен Толстым в сборники «Круг чтения», «Мысли мудрых людей» и др. (См. т. 40—44).

³⁷ Перевод Толстого (на полях книги). В подлиннике:

«Wer in dem Nächsten nichts als Gott und Christum sieht
Der siehet mit dem Licht, das aus der Gottheit blüht».

³⁸ В подлиннике:

«Das Wort, das Gott von dir am allerliebsten hört,
Ist, wann du herzlich sprichst: Sein Wille sei gehört».

³⁹ Перевод Толстого (на полях книги). В подлиннике:

«Wer etwas in der Welt mag süß und lieblich nennen
Der muss die Süßigkeit die Gott ist, noch nicht kennen».

⁴⁰ Перевод Толстого (на полях книги). В подлиннике:

«Ich lieb ein einzig Ding und weis nicht, was es ist:
Und weil ich es nicht weis, drum hab ich es erkiest».

Здесь же помета Толстого: «Любить неизвестного бога».

Это изречение помещено Толстым в сборнике «На каждый день» под датой 4 августа (т. 44, стр. 77).

⁴¹ В подлиннике:

«Freund, weil du sitzt und denkst, bist du ein Mann voll Tugend
Wenn du sie wirken sollst, siest du erst deine Jugend».

Помета Толстого (на полях книги): «Трудно на деле».

⁴² Перевод Толстого (на полях книги). В подлиннике:

«Gott ist warhaftig nichts, und so er etwas ist
So ist er's nur in mir, wie er mich ihm erkiest».

⁴³ Кто эти знакомые Толстого — установить не удалось.

⁴⁴ Речь идет об интервью, данном Толстым корреспонденту «Нового времени» Ю. Д. Беляеву, в котором он сказал, что Дума производит на него «комическое, возмущительное и отвратительное» впечатление. (См. Ю. Д. Б е л я е в. У Льва Николаевича Толстого. — «Новое время», 16 июня 1906 г.).

⁴⁵ Письмо от 25 апреля 1906 г. (см. выше).

⁴⁶ См. об этом в обзоре Т. Н. В о л к о в о й «Письма иностранцев к Толстому» в кн. 1-й настоящ. тома.

⁴⁷ *Тэнгу* — персонаж из японской мифологии.

⁴⁸ *Авасэ* — одежда вроде халата.

⁴⁹ М. С. Сухотин был октябристом. См. о нем в т. 69 «Лит. наследства».

⁵⁰ *Сяку* — мера длины, равная 30,3 см.

⁵¹ Аббас *Эффенди* — глава секты беханстов в Сирии. Письмо это было переслано Толстому Торнбарг-Кроппер 28 июня 1906 г. и сохранилось в архиве писателя.

⁵² Ванечка Толстой умер в 1895 г.

⁵³ Статья «О значении русской революции» (т. 36, стр. 315—362).

⁵⁴ «*Кокусуй ходзэн*» — популярное патриотическое движение, возникшее в Японии в противовес движению за европеизацию страны, организованному и поддерживаемому японской буржуазией. Движение «За сохранение национальных традиций» носило в начальный период прогрессивный характер, поскольку оно отстаивало самобытные, народные основы развития Японии. Толстой сочувствовал этому движению, о чем свидетельствует его «Предисловие к книге „Japanese Notions of European Political Economy“» (см. т. 90, стр. 67—68).

⁵⁵ «В чем моя вера?»

⁵⁶ Идеиное течение среди части японской интеллигенции, на которое сильное влияние оказало религиозно-нравственное учение Толстого. Приверженцы этого течения, к которому примыкали многие видные японские деятели культуры, содействовали переводу и популяризации произведений Толстого в Японии.

⁵⁷ «Круг чтения».

⁵⁸ Приводимые выше цитаты взяты из «Круга чтения» (т. 41, стр. 448 и 450).

⁵⁹ Ошибка: Толстой писал не гусиным, а металлическим пером.

⁶⁰ Восемьдесят лет исполнилось Толстому через два года, в 1908 г.

⁶¹ Письмо было адресовано В. В. Стасову. Оно гласило:

«Милый Владимир Васильевич, я несчастливо рекомендовал вам индуса и каюсь в этом. Я не знал его. Но теперь позволяю рекомендовать вам японца Токутomi, которого знаю и считаю очень хорошим человеком и очень деликатным. Если вы побеседуете с ним (он говорит по-английски) и порекомендуете его какому-нибудь молодому человеку, чтоб пошапронировать его в Петербурге, то буду вам очень благодарен» (т. 76, стр. 162).

⁶² Письма эти неизвестны.

⁶³ С. Н. Толстой умер в 1904 г.

⁶⁴ Речь идет о портрете В. К. Сютеева (1820—1892), который висел в яснополянском кабинете Толстого.

⁶⁵ У Толстого старшей сестры не было. В Шамординском монастыре жила младшая сестра Толстого — Мария Николаевна. Репродукцию «Мадонны» Рафаэля подарила Толстому в 1857 г. его двоюродная тетка, придворная фрейлиня А. А. Толстая.